PZ
63
B47p

В. БИАНКИ

ПО СЛЕДАМ

РИСУНКИ Д. ГОРЛОВА

ДЕТГИЗ
1943

THE LIBRARY
OF
THE UNIVERSITY
OF CALIFORNIA
LOS ANGELES

В. БИАНКИ

ПО СЛЕДАМ

Художник
Д. ГОРЛОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
НКП РСФСР
МОСКВА 1943 ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ

I. Мой хитрый сынишка

Приказ на снегу 3
Тетерева в лунках 8
Мышарик 12

II. Маленькие рассказы

Музыкант 15
Черная лисица 18
Моржиха 19
Непонятный зверь 21
Подкидыш 22
Про двух охотников 25
Про одного мальчика 29
Поганки 33
Задерихвост 35
Два белых, третий, как снег 37

III. Мышонок Пик

Часть первая 41
Часть вторая 57

IV. Лесные разведчики

Черный 68
По следам 79
Сумасшедшая птица 86
Тайна ночного леса 92

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор *В. Гакина.*

Подписано к печати 24/VI 1943 г. 6 печ. л. (5,65 уч.-изд. л.). 38 480 зн. в печ. л. Тираж 25 000 экз. Л42997. Заказ № 3476. Цена 4 р.

Фабрика детской книги Детгиза Наркомпроса РСФСР. Москва, Сущевский вал, 49.

PZ6
.S47p

I

Мой хитрый сынишка

ПРИКАЗ НА СНЕГУ

Пообещал я как-то сынишке взять его с собой на охоту — тропить зайцев. И с тех пор не стало мне покоя. Каждое утро, чуть свет, сынишка врывается ко мне:

— Вставай! Сегодня пойдем? Погода хорошая.

Ему на охоту итти погода всегда хорошая. А зверя тропить, то есть разыскивать по следам, — не всякий день удобно. След разный бывает, смотря по погоде.

Я откажусь итти, а сынишка хныкать:

— Опять не хочешь! Ведь откладываем да откладываем... Когда же наконец пойдем?

И придумал я военную хитрость.

— Слушай, — говорю, — мою команду!

Он сразу руки по швам.

— Есть, — говорит.

— Ну вот: зря меня больше не буди. Утром, как встанешь, первым делом беги в садик. Там на снегу прочтешь мой приказ — выходить в поход или нет.

— Есть, — говорит, — выходить утром в сад.

Он лег спать, а я взял палку и вышел из дому. Дом у нас с палисадничком. Зимой в палисаднике никто не ходит. Снег там как выпадет, так и лежит нетронутый. Я просу-

632962

нул палку сквозь забор и написал на снегу печатными буквами — сынишка у меня еще маленький, только по-печатному разбирает:

СЕГОДНЯ НЕ БУДИТЬ!

В ту ночь я выспался хорошо: сынишка не пришел будить меня спозаранку. Я встал, оделся и посмотрел в окно. Мое окно выходит как раз в палисадник, и моя надпись видна мне прямо из комнаты. Утро было серенькое, безветреное, теплое: градусник за окном показывал чуть выше нуля. Снег не блестел, казался грязноватым, как плохой мел. Тусклым, скучным лежал мой приказ на снегу.

Я порадовался своей выдумке: ведь по этой надписи мне каждый день будет видно, какие изменения происходят и со следами в поле.

Стенки букв подтаивали, буквы расплывались, как на промокашке. В такой хмурый день свежие следы быстро расплываются, а прежние следы кажутся одинаково старыми.

Я спокойно сел за работу.

На второй день опять не пришел будить меня сынишка.

Утро было солнечное; еще с ночи завернул такой мороз, что снег стал, как пастила: сверху подсохла толстая

корка — наст. По нему не только легкий зайчишка — волк, и тот не провалится. И следа никакого не оставит — разве кой-где когтями царапнет. Надпись моя казалась нацарапанной ножом по льду. Стенки букв сверкали, как срезанный металл. Ямки наполнились мерзлой крупкой. В такую погоду найдешь одни старые следы, новых нет.

И третий день не принес ничего хорошего.

Опять был мороз да еще с ветром — позёмкой. Сухой крупичатый снег мело по земле — пудрило следы. Буквы точно кто столовой солью посыпал. Пойдет заяц утром с поля, где кормился, — с жировки, — его следы сразу и припудрит. Как их отличишь от его вечерних следов?

Сынишка ходил насупленный, но молчал — приказ оставался в силе.

Я поздно засиделся в ту ночь за работой. Лег под утро.

— Подъём! — вдруг кто-то крикнул мне в самое ухо, как бывало на военной службе. Но что-то больно уж тоненький голосок у дневального.

Я с трудом открыл глаза.

— Будись живо! — кричал сынишка. — Я уже чай пью.

Я только глянул в окно — и сразу убедился, что он не напрасно меня поднял: на оконной раме, на заборе лежал толстый, пухлый, как вата, снег.

Значит, перед рассветом выпала мертвая поро́ша.

Так называют охотники выпавший ночью густой снег — лучший помощник следопыта. Он начисто засыпает все старые следы. Утром в поле глазам охотника открывается

мертвая белая пелена. И только самые свежие — утренние — следы зверей четко отпечатываются в новеньком рыхлом снегу.

Я так заторопился на охоту, что забыл посмотреть на свою надпись. Да и ни к чему было: ее, конечно, так же занесло, как и все старые следы.

Зимой зайца трудно увидеть — не только белоснежного беляка, даже серого русака.

Но только мы с сынишкой выехали за кладбище, сразу увидели след заячий.

— Ну, — спрашиваю, — куда заяц шел?

Слышу, он шепчет про себя тихонько стишки собственного сочинения:

Лап от задних пяточки
Впереди,
От передних пятачки
Позади.

Он у меня уже знает, что заяц на бегу заносит длинные задние ноги вперед передних. След от задних продолговатый, пяточкой впереди, от передних — круглый, как пятачок, позади.

— Сам на кладбище пошел помирать, — уверенно доложил сынишка. — Поворачивать?

— Нет, постой, — предупредил я, занося лыжи немного вбок. И снял с плеча ружье. — Это ведь русачий след, а русаку чащи не надо, чтобы залечь. Смотри: дальше след обо-

рвался. Тут заяц сдвойку сделал: повернул и пошел назад своим следом. А вот скидка: он прыгнул в сторону. Погоди-ка, вон не у того ли куста он залег?

И только мы стали подходить к этому кусту, за ним мелькнули черные кончики длинных ушей.

Я выстрелил. Здоровый русачина подскочил выше куста, перекувырнулся через голову и пропал.

Когда мы подошли, он уже не дрыгал, зарывшись в снег.

Без труда мы вытропили еще трех русаков и одного

беляка. Но застрелить удалось еще только этого беляка: остальные благополучно от нас удрали.

Мы отыскали длинную палку, привязали к ней за лапки обоих зайцев — серого и белого — и понесли их домой. Я держал палку в руке, а сынишка положил другой конец ее себе на плечо.

У самого дома нам встретился сосед. Он посмотрел на нашу добычу и сказал:

— Дельно! Тропили?

— Тропили.

— Так. Хорошее дело. Я вот тоже своего парнишку от молодых ногтей приучаю к разным следам присматриваться. Следопыт-охотник и на войне всегда первый разведчик и партизан тоже.

Слово «война» напомнило мне про мой приказ на снегу.

— А тебя все-таки наказать надо, — сердито сказал я сынишке. — Ведь приказ-то был не будить меня.

— Я не виноват, — заявил он, нисколько не испугавшись. — Что осталось на снегу от приказа, то я и сделал.

— Как так? — не понял я.

— Сам посмотри.

Я взглянул через забор в палисадник.

Там в ярком солнечном свете ослепительно блистало на снегу одно только короткое слово:

БУДИ

Остальных букв не было и следа.

— Я вижу, — объяснил сынишка, — каждый день буквы всё хуже. Я взял дощечку и прикрыл эти четыре буквы, чтобы приказ совсем не замерз.

Маленький, маленький, а какой хитрый!

ТЕТЕРЕВА В ЛУНКАХ

К тетеревам, когда они сидят на деревьях, не подойдешь на выстрел.

— Стой, не шевелись, — говорю я сынишке. — Смотри, что будет.

Мы вышли к опушке леса. А на другой опушке — через поле — на кружевных вершинах голых берез сидят тете-

рева. Их десятка полтора. Они черны и неподвижны, как грачиные гнезда.

Заметили они нас или нет? Если не заметили, сейчас будут ложиться спать.

Солнце уже село. За лесом горит яркая и низкая зимняя заря. Деревья кажутся на ней обугленными. Их стволы точно наклеенные на блестящей желтой бумаге черные полоски.

Вдруг одно из грачиных гнезд обрушивается с ветки прямо в снег.

Это слетел первый тетерев — косач. За ним, как груши, падают с веток остальные. Вонзаются в снег, исчезают.

— Бежим к ним! — говорит сынишка и шуршит лыжами по мерзлому снегу.

— Нет, — говорю я, — они еще не заснули, не подпустят нас.

— А заснут, ты их всех перестреляешь?

— Не так-то просто! Через десять минут будет темно, стрелять нельзя. Но мы их и без ружья. Только точно запомни, где они в снег нырнули.

— Я точно. Вон у той двухствольной березы.

— Так. А теперь идем домой.

И по дороге я рассказываю ему свой план.

После ужина он, к удивлению матери, без всякого напоминания торопится лечь спать. А я чищу ружье и вешаю его на стену: ночью оно нам не понадобится.

Я беру две корзины, с которыми летом мы ходили за грибами, и обвязываю их сверху тряпками. Достаю два сачка, которыми ловили рыбешек и лягушек в пруду. И привожу в порядок два снятых с велосипедов фонаря.

В полночь за стеной — в хлеву — бьет крыльями и несколько раз громко кукарекует наш петух. Один за другим ему отвечают другие деревенские петухи.

Вот у диких петухов — тетеревов — такого обычая нет. Они не поют среди ночи — спят крепко. Нам это и наруку.

Я бужу сынишку.

Морозец знатный! Месяца нет, но в черном небе искрятся звезды, и снежное поле мерцает.

Мы на лыжах. У каждого корзина, сачок и спереди на поясе незажженный фонарь. Мы идем туда, где на опушке под снегом спят тетерева.

Не дойдя до места, останавливаемся. Я зажигаю оба фонаря — сынишкин и свой.

Так ярко вспыхивают они, что невольно зажмуришься. Пришлось постоять, пока глаза не привыкли.

— Теперь, — шепчу сынишке, — корзинку за спину, сачок в руки — и с лыж долой.

Увязая по колена в снегу, медленно и стараясь меньше шуметь, подходим к двухствольной березе.

Перед каждым из нас резкая струя света. В нем каждая соринка видна на снегу. А кругом черным-черно.

Вижу: слева от березы лунка — полукруглая неглубокая ямка. На дне ее рыхлый, обвалившийся с краев снег. Справа от березы такая же лунка.

Перешептываемся с сынишкой. Он идет к левой, а я к правой.

Не отрываю глаз от лунки, подкрадываясь к ней.

Знаю: тут тетерев. Нырнул в снег, как в воду, и холодная сухая вода скрыла его под собой.

В глубине тетерев шагнул два-три раза. Потоптался на месте, как укладывающаяся спать собачка. Образовалась

пещерка. Он повернулся носом к выходу. Поджал лапки. Улегся.

Спит.

Тепло в подснежной спаленке. И темно-темно.

Вот я уже в трех шагах от нее.

Еще шаг — и вдруг снежный взрыв, что-то черное в нем с шумом и треском вырывается из лунки. Косач!

И, ослепленный нестерпимо ярким светом, падает на снег, — не может лететь.

Вертится на снегу, как большой черный жук.

Я кидаюсь к нему с сачком.

Слышу, справа и слева от меня с шумом поднимаются тетерева. И что-то кричит сынишка.

Но мне не до него: стараюсь сачком накрыть косача. От резких движений фонарь прыгает у меня на животе, свет мечется по снегу, как струя из пожарной кишки в руках расшалившегося мальчишки. Косач на миг исчезает во тьме, но я тут же — наизусть уже — накрываю его.

Есть!

Со всей силы жму сачок в снег. Перехватываю палку. Подсовываю под сачок руку.

Сачок пуст.

Эх ты, какой же я неловкий!

Да что там все время кричит сынишка?

Где он? Куда девался его фонарь?

Направляю струю света на голос, вот он за березой — лежит в снегу.

В несколько скачков я около него.

Кричит:

— Тихонько, тихонько, осторожно!

— Да что с тобой?

— Тихонько сунь руки. Под живот, под самый живот!

Я коленями в снег, руками — без перчаток, снег жжет — под сынишку и хватаю жесткие толстые перья. Крепко держу за крыло, перехватываю за царапающие лапы, тащу!

Косач!

Он так сильно рвется, что вот выпущу.

Но сынишка уже на ногах. Хватает косача за свободное крыло, и вместе мы засовываем живую добычу в корзину, крепко обвязываем ее тряпкой.

— Я гляжу, — торопится рассказать сынишка, — из снега прямо у ног моих высунулась голова. Черная. Вертит носом, глазами хлопает. Я — бух в снег, прямо на нее. Он подо мной ворочается, щекочет. Ору, ты не слышишь. А ловко я его пузом-то?

Ловко-то ловко, что и говорить! А вот стекло у фонаря раздавил, конечно, и сачок сломан.

Ну, да это не считается, когда живого косача руками поймал.

К тетеревам, когда они на деревьях сидят, и на выстрел не подойдешь.

МЫШАРИК

Когда снег покрыл землю, в избе стали нас донимать мыши. Мой сынишка поставил на них мышеловку-живоловку.

Утром смотрим — приманка съедена и в мышеловке лежит мертвая мышь. Полевая мышь: крупная, с блестящим черным ремешком на спине.

В поле голодно стало — вот она и пришла в избу. Это понятно.

Но почему она мертвая?

Рассмотрели, — череп у нее прогрызен, и мозг выеден. Кто это сделал? Какой хищник мог протиснуться сквозь частую проволоку живоловки, такую частую, что даже мыши сквозь нее не пролезть?

Вечером сынишка опять насторожил живоловку. И мы легли спать.

Я скоро заснул, а он, оказывается, не спал — караулил. Ночь была лунная.

— И вот, — рассказал он утром, — когда все заснули и все затихло, из-под пола вылезла большая мышь. Она села на задние лапки, пошевелила усами и потом сразу побежала к мышеловке. Вошла в нее и дёрг за приманку!

На полу белый свет из окна — мне все видно.

Трык! — дверца захлопнулась, воровка попалась. Со страху она забилась в уголок и больше не трогала приманки.

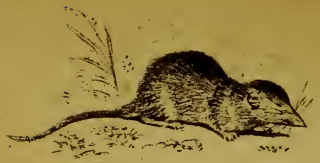
Я все не сплю: смотрю, что дальше будет.

Вдруг катится к мышеловке мышарик.

— Кто? — перебил я сынишку.

— Мышарик. Ну, знаешь, я такой придумал — девочек пугать.

— Ничего не знаю, — сказал я. — Какой такой «мышарик»? Как так пугать?



— Ну, такой шарик блестящий. От детского биллиарда, знаешь? Я попросил маму, она мне зашила его в серенькую тряпочку. А сзади хвостик тряпичный. Покатишь по полу — он, совсем как мышка, бежит. Только хвостик по полу шлепает. Да все равно девочки боятся: думают, настоящий, да еще какой-нибудь очень страшный, кусачий.

— Так это ты свой мышарик к мышеловке покатил?

— Совсем не я. Какой непонятный! Живой мышарик. Он сам.

— Бежит и хвостом по полу шлепает?

— Нет, у этого хвостик не шлепал.

— Гм... Ну, дальше?

— Ну, он к мышеловке. Вытянулся тоненькой колбаской и скользнул между двух проволок.

Вот мышь испугалась! Бегает по мышеловке.

А мышарик прыг! — прямо ей на спину. Мышь и упала мертвая.

Мышарик посидел-посидел у нее на голове. Потом скатился — и к приманке. Приманку съел, еще рыльце поднял и марш из мышеловки. Под твою кровать закатился.

— Стой, — опять перебил я сынишку. — А рыльце у него какое, видел?

— Видел. Длинноносенькое, хоботком. Только не такой хобот, как у слона, а востренький.

— А! — сказал я. — Тогда все понимаю. Это землерой. Самый крошечный зверь, сродни кроту и ежу. Он жуков ест и вот даже с крупной мышью справляется. Он и в избу к нам за мышами пришел.

— Это он в лесу землерой, — сказал сынишка. — А в избе земли нет. Я так и буду его звать — мышарик.

— Ну что ж, зови.

МУЗЫКАНТ

Старый медвежатник сидел на завалинке и пиликал на скрипке. Он очень любил музыку и старался сам научиться играть. Плохо у него выходило, но старик и тем был доволен, что у него своя музыка.

Мимо проходил знакомый колхозник и говорит старику:

— Брось-ка ты свою скрипку-то, берись за ружье. Из ружья у тебя лучше выходит. Я сейчас медведя видел в лесу.

Старик отложил скрипку, расспросил колхозника, где он видел медведя. Взял ружье и пошел в лес.

В лесу старик долго искал медведя, но не нашел даже и следа его.

Устал старик и присел на пенек отдохнуть.

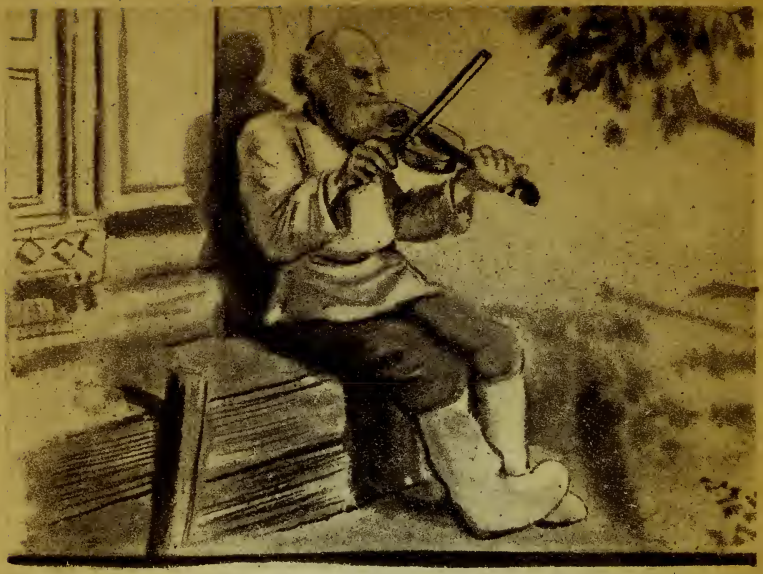
Тихо-тихо было в лесу. Ни сучок нигде не треснет, ни птица голосу не подаст.

Вдруг старик услыхал: «Дзенн!..» Красивый такой звук, как струна пропела.

Немного погодя опять: «Дзенн!..»

Старик удивился:

«Кто же это в лесу на струне играет?»



А из лесу опять: «Дзенн!..» Да так звонко, ласково.

Старик встал с пенька и осторожно пошел туда, откуда слышался звук.

Звук слышался с опушки.

Старик подкрался из-за елочки и видит: на опушке разбитое грозой дерево, из него торчат длинные щепки. А под деревом сидит медведь, схватил одну щепку лапой. Медведь потянул к себе щепку и отпустил ее. Щепка выпрямилась, задрожала, и в воздухе раздалось: «Дзенн!..» — как струна запела.

Медведь наклонил голову и слушает.

Старик тоже слушает: хорошо поет щепка.

Замолк звук — медведь опять за свое: оттянул щепку и пустил.

Вечером знакомый колхозник еще раз проходил мимо избы медвежатника.

Старик опять сидел на завалинке со скрипкой. Он паль-

цем дергал одну струну, и струна тихонечко пела: «Дзенн!..»

Колхозник спросил старика:

— Ну что, убил медведя?

— Нет, — ответил старик.

— Что ж так?

— Да как же в него стрелять, когда он такой же музыкант, как и я?

И старик рассказал колхознику, как медведь играл на расщепленном грозой дереве.

ЧЕРНАЯ ЛИСИЦА

В лесах Якутии зимой появилась черная лисица.

Черные лисицы бывают очень редко. И шкура их сто́ит дороже всех других мехов.

Вот все охотники сейчас же бросили стрелять белок, даже соболей и стали гоняться за одной этой лисицей.

Черный мех на снегу издалека виден. Черной лисице надо быть очень хитрой, чтобы спасти свою шкуру. И она была такая хитрая, что никого к себе не подпускала на выстрел и не шла ни в одну ловушку.

Понемногу все охотники отказались от нее и принялись опять стрелять белок, соболей и других зверей.

Один только молодой зверолов ни за что не хотел отстать от нее. Он думал: «Помучусь, зато уж, когда поймаю ее, сразу разбогатею».

И продолжал гоняться за ней.

А черная лисица делала так: охотник идет за ней, а

она даст круг и выйдет на его след. И ходит за ним по лесу.

Молодой зверолов эту ее хитрость понял.

«Ладно же, — подумал он. — Ходи. А я расставлю по круговой тропке капканы да самострелы и буду ходить по этой тропке. Тут-то ты, матушка, и попадешься мне».

Так и сделал.

Расставил на тропке капканы, снегом их запорошил, чтобы видно не было. Спрятал в кустах самострелы, а веревочки, которые стрелу спускают, провел через тропку.

И стал ходить по тропке.

Он ходит, и черная лисица за ним ходит.

Он через все веревочки и капканы перешагивает, и черная лисица через них перепрыгивает.

Кружили-кружили, кружили-кружили, — охотник устал, еле ноги волочит. И задел за одну веревочку.

Самострел выстрелил, и стрела попала зверолову в ногу.

Он еле домой дополз. И всю зиму пролежал больной в постели.

А черная лисица так и ушла.

МОРЖИХА

Два брата ненца поехали на лодке стрелять моржей. Старший брат греб на корме веслом, а младший стоял на носу лодки; в руках у него была винтовка. Он был в одежде из тюленьей шкуры, мехом вверх.

Скоро они увидели на краю ледяного берега моржиху с моржонком.

Старший брат повел лодку вплотную к ледяному берегу.

Моржиха спала. Братья подъехали совсем близко, и младший выстрелил моржихе в голову.

Моржонок разом нырнул, а у раненой моржихи хватило силы кинуться в воду и ударить клыками лодку.

Лодка разлетелась в щепки.

Старший брат успел выскочить на лед.

Младший выронил винтовку и полетел в воду.

Вдруг раненая моржиха кинулась к нему и ластом прижала его к себе так крепко, что охотник не мог шевельнуться. Она приняла его за своего детеныша и хотела спасти.

И нырнула с ним на дно моря.

«Вот я пропал», успел только подумать охотник.

Он уже задыхался.

Но тут наконец раненую моржиху покинули силы. Ее ласты разжались.

Младший брат всплыл наверх вместе с мертвой моржихой.

Старший брат протянул ему весло и помог выбраться на лед.

Оба брата живы и сейчас.

На деньги, полученные за клыки моржихи, они купили себе винтовку вместо утонувшей.

Мясо моржихи съели.

А из толстой шкуры моржихи сшили себе отличную новую лодку.

НЕПОНЯТНЫЙ ЗВЕРЬ

У нас в колхозе картошку с осени закапывают в сосняке. Там песок — картошка лежит всю зиму и не портится. Весной ее вырывают из песка и садят. А в сосняке остаются глубокие ямы.

Вот раз шел один наш колхозник по этому сосняку и слышит: будто скребется кто-то в яме.

Подошел к яме, а там на дне совсем незнакомый зверь. Ростом с собачку, толстый, сам весь в белой и черной шерсти.

У колхозника с собой был топор. Долго не раздумывая, колхозник наклонился над ямой да стукнул зверя обухом по голове.

Зверь упал.

Колхозник вытащил его из ямы, перекинул через плечо и пошел домой.

Дома скинул зверя на пол и говорит своим сыновьям:

— Глядите, какого я зверя пристукнул в сосняке. Совсем непонятный зверь. Даже и прозванья его не знаю.

Старший сынишка поглядел на зверя, — а зверь толстый, ноги короткие, рыло свинячье, — и говорит:

— Это лесной поросенок.

Средний сынишка поглядел зверю на когти, — а когти у зверя длинные, страшные, — и говорит:

— Это волчонок.

А младший сынишка поднял зверю верхнюю губу, поглядел на его зубы, — а зубы у зверя хищные, клыкастые, — и говорит:

— Медвежонок.

— Нет, — сказал колхозник, — не поросенок, не волчонок и не медвежонок. Совсем непонятный зверь. Пойду за лесником. Лесник должен знать.

Взял шапку, вышел и дверь за собой захлопнул.

Через малое время вернулся с лесником, открывает дверь, а ребята его — все трое — на печке сидят, ноги поджали. И кричат ему:

— Тятя, не входи!

— Тятя, он живой!

— Кусачий!

Колхозник остановился на пороге, а зверь шасть у него между ног, да с крыльца, да в калитку.

Хрюкнул и пропал в кустах.

А лесник, что стоял позади колхозника, и говорит:

— Плохо ты его стукнул. Это зверь лесной, живучий. По-нашему — я з в у́ к, по-ученому — барсук. В норах живет. Ест коренья, да лягушек, да слизняков.

Ребята спрашивают с печки:

— А людей он не ест?

— Людей не трогает.

— А мы-то страху натерпелись!

И полезли с печки.

— Эх, знать бы, мы печеной картошки ему дали б. Вкусной!

ПОДКИДЫШ

Мальчишки разорили гнездо каменки, разбили ее яички. Из разбитых скорлупок выпали голые, слепенькие птенчики.

Только одно из шести яичек мне удалось отобрать у мальчишек целым.

Я решил спасти спрятанного в нем птенчика.

Но как это сделать?

Кто выведет мне его из яйца?

Кто вскормит?

Я знал неподалеку гнездо другой птички — пеночки-пересмешки. Она только что отложила свое четвертое яичко.

Но примет ли пересмешка подкидыша? Яйцо каменки чисто голубое. Оно больше и совсем не похоже на яички пересмешки: те малиновые с черными точечками.

И что будет с птенцом каменки? Ведь он вот-вот должен выйти из яйца, а маленькие пересмешки выклюнутся только еще дней через двенадцать.

Станет ли пересмешка выкармливать подкидыша?

Гнездо пересмешки помещалось на березе так невысоко, что я мог достать его рукой.

Когда я подошел к березе, пересмешка слетела с гнезда. Она порхала по ветвям соседних деревьев и жалобно посвистывала, словно умоляла меня не трогать ее гнезда.

Я положил голубое яичко к ее малиновым, отошел и спрятался за куст.

Пересмешка долго не возвращалась к гнезду. А когда наконец подлетела, не сразу уселась в него: видно было, что она с недоверием разглядывает чужое голубое яйцо.

Но все-таки она села в гнездо. Значит, приняла чужое яйцо. Подкидыш стал приемышем.

Но что будет завтра, когда маленькая каменка выклюнется из яйца?

Когда утром на следующий день я подошел к березе, с одной стороны гнезда торчал носик, с другой — хвост пересмешки.

Сидит!

Она слетела, я заглянул в гнездо.

Там было четыре малиновых яичка, и рядом с ними голый слепенький птенчик каменки.

Я спрятался и скоро увидел, как прилетела пересмешка с гусеничкой в клюве и сунула ее в рот маленькой каменке.

Теперь я был уже почти уверен, что пересмешка выкормит моего подкидыша.

Прошло шесть дней. Я каждый день подходил к гнезду и каждый раз видел торчащие из гнезда клювик и хвост пересмешки.

Очень меня удивляло, как она поспевает и каменку кормить и высиживать свои яйца.

Я скорей отходил прочь, чтобы не помешать ей в этом важном деле.

На седьмой день не торчали над гнездом ни клювик, ни хвост. Я подумал: «Все кончено! Пересмешка покинула гнездо. Маленькая каменка умерла с голоду».

Но нет: в гнезде лежала живая каменка. Она спала и даже не тянула вверх головку, не разевала рта: значит, была сыта. Она так выросла за эти дни, что покрывала своим тельцем чуть видные из-под нее малиновые яички.

Тогда я догадался, что приемыш отблагодарил свою новую мать: теплотой своего тельца он грел ее яички — высиживал ей птенцов. Так оно и было.

Пересмешка кормила приемыша, приемыш высиживал ее птенчиков.

Он вырос и вылетел из гнезда у меня на глазах.

И как раз к этому времени выклюнулись птенчики из малиновых яиц.

Пересмешка принялась выкармливать своих родных птенцов и выкормила их наславу.

ПРО ДВУХ ОХОТНИКОВ

Были два друга-охотника. Один был ханте́, лесной человек. Он в лесу родился, в лесу всю жизнь прожил и прокармливал себя охотой. А другой был русский, служил в городе и только в свободные дни приезжал к другу ханте́ в лес — пострелять птицу и зверя.

Раз осенью ханте́ привел друга в лес на поляну и говорит:

— Слушай...

А вечер был, солнце уже село за деревья. Тихо в лесу.

Вдруг разнесся по лесу короткий глухой рев: незнакомый и страшный голос какого-то зверя.

У русского мурашки по спине побежали. Но виду он не показал, что ему страшно.

А ханте́-охотник вытащил из-за пазухи берестяную трубу. Приложил ее к губам и подает такой же звериный голос.

Зверь отозвался.

Ханте́ опять трубит.

Зверь ближе, ближе. И вот слышит русский: кто-то большой, тяжелый ломит через чащу, сучья трещат.

Вдруг показалась звериная голова — нос горбылем, рожищи шире лопат. Громадный лось.

Надо было обождать, когда зверь на открытое место выйдет, и тогда стрелять.

А русский не стерпел — выстрелил сквозь чащу.

Пуля отломила зверю кусок рога. Зверь рассвирепел, кинулся на охотников.

Охотники побросали ружья — и на деревья.

Русский забрался на прямую березу, а ханте́ рядом — на кривую, наклонную ель.

Лось подбежал под березу и давай копытами землю бить. Достать рогами охотника не мог.

А в земле — корни березы. Лось их копытами, как топором, перерубил.

Закачалась береза и стала падать.

Тут и была бы охотнику смерть: упади он, лось его мигом растоптал бы.

Да, на счастье охотника, береза, падая, навалилась на

ель, где ханте́ сидел. Ханте́ подхватил друга и помог ему взобраться на ту ветку, где сам сидел.

А лось уже под елью — и опять копытит землю.

Ханте́ вытащил из кармана трубку, табак и дает русскому:

— Закуривай.

Русский говорит:

— Да что ты! Зверь и ель сейчас повалит, обоим нам сейчас будет смерть.

— Нет, — говорит ханте́. — Кури спокойно. Ничего не будет. Корни-то ели где?

Лось рыл прямо под той веткой, где охотники сидели. А ель-то ведь была кривая, наклонная, корни ее были далеко от этого места.

Всю ночь бесновался лось. Большую яму под елью вырыл. А в сторону отойти да рыть там так и не догадался. Смекалки у него нехватило.

Наконец лось устал. Фыркнул со злости, что не достал обидчиков, и ушел.

Тогда охотники слезли, подобрали ружья и пошли домой.

* * *

В другой раз русский приехал к другу зимой. Опять пошли они в лес.

В лесу они разошлись. Ханте́ со своей лайкой пошел в одну сторону, а русский — в другую. У него собаки не было.

Русский шел-шел по лесу, видит — сугроб. А перед сугробом кусты в инее.

«Эге! — подумал охотник. — Отчего бы тут иней, когда его нигде кругом нет?»

Поднял длинный сук, ткнул им в сугроб.

А из-под сугроба — большущий медведь.

Он тут в берлоге лежал да дышал на кусты. Оттого и были кусты в инее.

Выстрелил охотник и положил зверя на месте.

День зимний короткий. Пока охотник шкуру сдирал с медведя, и ночь подошла. Как в темноте дорогу назад найти? И решил охотник ночевать в лесу.

Мороз был. Охотник хватился спичек — костер разжечь. А спичек нет.

И тут не приуныл охотник. Говорил ему друг-ханте́,

как он ночует зимой в лесу: завернется в звериную шкуру, и тепло ему спать в снегу.

Охотник поднял медвежью шкуру — тяжелая, теплая шуба.

Да внутри-то шуба вся в крови. Охотник перевернул медвежью шкуру мехом внутрь, завернулся в нее с ног до головы и лег в снег.

Тепло в медвежьей шкуре. Охотник заснул.

Под утро приснился ему страшный сон: будто навалился на него медведь и давит, давит, — вздохнуть нет сил.

Охотник проснулся — ни рукой, ни ногой шевельнуть не может.

Сковал мороз сверху медвежью шкуру, мокрую от крови. Как железными обручами сдавил охотника.

И слышит охотник: шуршит кто-то по снегу, подходит к нему.

«Ну, — думает охотник, — настал мой смертный час. Зачуял другой зверь мясо. Сейчас до меня доберется, а я и ножа достать не могу».

А это подходил не зверь, а ханте́-охотник: его лайка нашла русского по следу.

Ханте́ разрезал ножом медвежью шкуру, выпустил из нее друга и говорит:

— Неладно ты завернулся. Мехом наружу надо. Тогда и внутри тепло и снаружи мороз не возьмет.

ПРО ОДНОГО МАЛЬЧИКА

1. ДРОБИНКА

Отец подарил мальчику маленькое дробовое ружье. Мальчик устроил себе на берегу пруда шалашик и стал ждать уток.

Наконец прилетели два чирка. Селезень был очень красив: весь пестрый, и на ржавой голове две ярко-зеленые полосы. А уточка была серенькая, скромная, только на крыльях у нее блестели зеленые перышки.

Когда чирки подплыли к шалашу, мальчик выстрелил. И случилось так, что целился он в красивого селезня, а попал в уточку.

Тогда селезень прямо с воды взвился в небо, дал в воздухе один круг, другой круг, потом вдруг сложил крылья — и камнем полетел вниз. Он упал на берег и, конечно, разбился насмерть.

Мальчик подумал: «Ах, зачем я убил уточку! Вот и селезень не захотел жить без нее!»

Мальчик прибежал домой в слезах и стал рассказывать отцу, как он попал в уточку и как селезень тогда нарочно взвился и треснулся о землю.

А отец хорошенько рассмотрел птиц и показал мальчику, что у селезня в голове маленькая ранка.

Значит, селезень не потому упал, что не хотел без подруги жить, а оттого, что ему в голову тоже попала одна дробинка.

2. ПТИЧЬЯ ПЕСЕНКА

Через год этот мальчик научился хорошо стрелять из своего ружья. Попадал в птиц даже на лету.

Один раз он шел лесной просекой. Снег только еще начинал таять. Только что прилетели стайки зябликов.

Зяблики прыгали по голым ветвям деревьев, слетали на проталинки — поискать себе еду. Все они были, как на подбор, красавцы: краснощекие, лиловогрудые, с белыми перевязками на крылышках.

Мальчик знал, что это были самцы: зябличихи прилетят позже, через несколько дней.

Зяблики не пели.

«Не время еще им петь, — думал мальчик. — Пока не прилетят зябличихи, не услышишь их песен».

Вдруг что-то серое мелькнуло сбоку между деревьями и упало на проталину.

Как ветром, сдуло зябликов с просеки. С тревожным пиньканьем и рюмканьем они скрылись в лесу.

А с проталины перед мальчиком взлетел небольшой серый ястреб. В когтях у него был зяблик.

Пока мальчик снимал с плеча ружье, ястреб повернул и полетел вдоль просеки. Теперь мальчик видел только его спину и выстрелил в нее.

На миг ястреб остановился в воздухе. Когти его разжались, из них выпорхнул зяблик.

Ястреб мертвый упал на землю.

Спасенный зяблик взлетел на дерево, отряхнулся, повернулся к мальчику — и вдруг запел.

Сперва он будто захлебывался песней, пел тихо. Потом звонче и звонче. И вдруг оборвал на самой высокой, на самой громкой и веселой ноте.

Мальчику очень понравилась песенка. Он подумал: «Ведь это он благодарит меня за то, что я спас его от ястреба».

Мальчик снял шапку и замахал зяблику:

— Не за что, не за что! Лети себе на здоровье.

Зяблик улетел.

Тогда мальчик подобрал застреленного ястреба и побежал домой.

Дома он рассказал отцу, как спас зяблика и как зяблик поблагодарил его звонкой песенкой.

Но отец сказал:

— Все-то ты выдумываешь. Совсем не для того пел зяблик, чтобы поблагодарить тебя.

— А для чего же? — спросил мальчик.

— Ни для чего. Ушел из когтей ястреба, вот и запел. Поет и сам не знает — почему, отчего, для кого он поет. А что это ты освободил его от ястреба, он даже и не подумал.

3. ГОЛУБЫЕ ЛЯГУШКИ

Прошел месяц, снег совсем почти стаял, и все канавки в лесу разлились в целые ручьи. В них громко кричали лягушки.

Раз мальчик подошел к канаве. Лягушки сразу замолчали и — бульк-бульк-бульк! — попрыгали в воду.

Канава была широка. Мальчик не знал, как через нее перебраться. Он стоял и думал: «Из чего бы тут сделать мостик?»

Понемногу из воды стали высовываться треугольные головы лягушек. Лягушки со страхом пучеглазились на мальчика. Он стоял неподвижно. Тогда они начали вылезать из воды. Вылезли и запели.

Их пение нельзя было назвать очень красивым. Есть лягушки, которые звонко квакают; другие крякают вроде уток. А эти только громко урчали, хрипели:

— Тур-лур-лурр!

Мальчик взглянул на них и ахнул от удивления: лягушки были голубые!

До этого ему приходилось видеть много лягушек. Но все они были обыкновенного лягушачьего цвета: серо-буро-коричневые или зеленые. Он даже держал одну зеленую дома, в большой банке из-под варенья. Когда она квакала, она надувала у себя на шее два больших пузыря.

А эти — в канаве — только горлышки раздували, и горлышки у них были тоже красивого светлоголубого цвета.

Мальчик подумал: «Наверно, еще никто на свете не видел голубых лягушек. Это я первый открыл их!» Он живо поймал трех лягушек, посадил их в кепку и побежал домой.

Дома были гости. Мальчик вбежал в комнату и закричал:

— Смотрите, голубые лягушки!

Все обернулись к нему и замолчали. Он взял и вытряхнул из кепки всех трех лягушек прямо на стол.

Раздался громкий хохот.

Мальчик глянул на лягушек и раскрыл рот от удивления: все три его лягушки были не голубые, а обыкновенного лягушачьего цвета — серо-буро-коричневые!

Но отец мальчика сказал:

— Нечего смеяться над мальчишкой: он ловил лягушек в то время, когда они урчали. Это обыкновенные травяные лягушки, лягушки-турлушки. Они некрасивы. Но когда их освещает весеннее солнце и они поют, они очень хорошеют: становятся нежно-голубого цвета. Не всякий это видел.

ПОГАНКИ

Становилось голодно, надо было подумать о мясе. Я взял ружье и пошел на маленькое лесное озеро. Оно густо поросло у берегов травой. На ночь сюда собирались утки.

Пока дошел — стемнело. В тростнике закрякало, с шумом поднялись утки. Но я их не видел, стрелять не мог.

«Ладно, — подумал я. — Дождусь утра. Майская ночь совсем коротка. А до света они, может, вернутся».

Я выбрал место, где тростник расступался и открывал полянку чистой воды. Сделал себе шалашик в кустах и забрался в него.

Сперва сидеть было хорошо. Безлунное небо слабо сияло, звезды поблескивали сквозь ветви. И пел-шептал свою приглушенную, несмолкаемую, как ручеек, песню козодой-полуночник.

Но набежал ветерок. Звезды исчезли, козодой умолк. Сразу посвежело, посыпал мелкий дождик. За шиворот мне потекли холодные струйки, сидеть стало холодно и неуютно. И уток не слышно было.

Наконец запела зорянка. Ее цвирикающая переливчатая песенка задумчиво-грустно звучит вечерами. А под утро кажется радостной, почти веселой. Но мне она не обещала ничего хорошего. Я проголодался, продрог и знал, что теперь утки не прилетят. Не уходил уж из упрямства.

Дождик перестал. Начало прибывать свету. Пел уже целый птичий хор.

Вдруг вижу: в траве, в заводинке, движутся две птичьи головки.

Вот они, утки! Как незаметно сели...

Я стал прилаживать ружье, чтобы удобно было стрелять, когда выплывут на чистое.

Выплыли. Смотрю: острые носики, от самых щек на прямые шеи опускается пышный воротник. Да совсем и не утки: п о г а н к и!

Вот уж не по душе охотникам эти птицы!

Не то, чтобы мясо их на самом деле было п о г а н о е, вредное для здоровья. Оно просто невкусное. Одним словом, поганки — не дичь.

А живут там же, где утки, и тоже водоплавающие. Охотник обманется и с досады хлопнет ни в чем неповинную птицу. Застрелит и бросит.

Так грибник, приняв в траве рыжую головку какой-нибудь сыроежки за красный гриб, со злости пнет ее ногой и раздавит.

Разозлился и я: стоило целую ночь мерзнуть! Подождите же!

А они плывут рядом, плечо к плечу. Точь-в-точь солдатики. И воротники распушили.

Вдруг — раз! — как по команде «разом-кнись!» — одна направо, другая налево. Расплылись.

Не тратить же на них два заряда!

Расплылись немного, повернулись лицами друг к дружке и кланяются. Как в танце.

Интересно смотреть.

Сплылись — и нос к носику: целуются.

Потом шеи выпрямили, головы назад откинули и рты приоткрыли: будто торжественные речи произносят.

Мне уж смешно: птицы ведь, какие они речи держать могут?

Но вместо речей они быстро опустили головы, сунули

носы в воду и разом ушли под воду. Даже и не булькнуло.

Такая досада: посмотреть бы еще на их игры!

Стал собираться уходить.

Вдруг смотрю: одна, потом другая выскакивают из воды. Стали на воду, как на паркет, во весь свой длинненький рост; ножки у них совсем сзади. Грудь выпятили, воротники медью на солнце зажглись — до чего красиво! — так и полыхают.

А в клюве у каждой платочек зеленой тины: со дна достали. И протягивают друг дружке подарок. Примите, дескать, от чистого сердца ради вашей красоты и прекрасного майского утра!

Сам-то я тут только и заметил, как хорошо утро. Вода блещет. Солнышко поднялось над лесами и так ласково припекает. Золотые от его света комарики толкутся в воздухе. На ветвях молодые листочки раскрывают свои зеленые ладошки. Чудесно кругом!

Сзади сорока налетела, как затрещит! Я невольно обернулся. А когда опять посмотрел на воду, поганок там уже не было: увидели меня и скрылись.

Они скрылись, а радость со мной осталась. Та радость, которую они мне дали. Теперь ни за что я этих птиц стрелять не буду. И поганками их называть не буду. Ведь у них есть и другое имя, настоящее: нырец или чомга.

Очень они полюбились мне в то утро, хоть я и остался без мяса.

ЗАДЕРИХВОСТ

Хищник должен прятаться, если хочет подтаиться к добыче.

Большой медведь бесшумно крался по лесу, осторожно переступал жесткими голыми подошвами сухие сучки.

Впереди на опушке была куча хвороста. За ней луг. Там паслись кони. Они часто поднимали головы, нюхали ветер. Но ветер дул от них на кучу. Кони поворачивали головы против ветра и ни чуять, ни видеть хищника не могли.

Медведь стал осторожно обходить кучу хвороста.

Вдруг из нее, как пузырек из лужи, выскочил крошечный подкоренник—задерихвост, птичка ростом с сосновую шишку; носик востренький, тельце орешком, хвостик торчком. И шныряет всегда понизу.

Как от него спрячешься, когда у тебя ноги и ступают они по земле?

Медведь пал на брюхо, вжался в мох. Поздно: уже заметил его задерихвост.

Да как затрещит! —

И откуда у крохи такой голос: за тысячу шагов вздрогнешь.

Кони обернулись, увидели медведя. Заржали, умчались. В ярости вскочил медведь, кинулся ловить нахального малыша. Вмиг раскидал всю кучу.

А задерихвост мышонком проскользнул у него между ног и вспорхнул на дерево. Поди поймай его там!

Всю охоту испортил медведю. С головой его выдал.

И хвостик торчком!

ДВА БЕЛЫХ, ТРЕТИЙ, КАК СНЕГ

$$1 + 1 = 2.$$
$$1 + 2 = 3.$$

Так в арифметике.
А в лесу бывает иначе.
Возьми карандаш — решим пример.

У занесенной снегом опушки жил хищный зверек — горностай. Тело у него было сильное, как рогаточная резинка, толщиной в колбасу. Пастишка была полна острых зубов. И был он невидимкой: весь белый на белом снегу. Только на конце хвостика черное пятно. Но это не в счет: ведь и на снегу бывают соринки.

Тут же рядом у опушки жила белая сова. Она была большая. Своими широкими пуховыми крыльями она могла бы прикрыть целого зайца. И так была сильна, что спокойно могла бы унести этого зайца по воздуху. Клюв у нее был крюком, и на каждой лапе по четыре крюка — два спереди, два сзади. Она тоже была невидимкой: вся белая, черное пятно только на голове. Но оно тоже не в счет.

Вот один и другой житель лесной опушки. Но если бы мы захотели сложить их:

$$1 + 1,$$

у нас ничего не вышло бы.

Горностай и белая сова не желали складываться — ни пищей, ни жилищем, ничем. Жили разно. Охотились каждый сам по себе. А если приходилось встретиться, горностай сердито стрекотал и скалил все свои страшные зубки, сова громко щелкала клювом, и каждый скорее спешил восвояси, подобру-поздорову.

И еще жил на той опушке молодой зайчишка, беляк. Весь как снег, только самые кончики ушей черные. Эти два черные пятнышка в счет, держи их в уме. Они-то и подвели зайчишку.

Хороший был зайчишка: пушистый, робкий. На день он забирался под какую-нибудь частую елочку на опушке и спал. Ночью ходил в луга — своровать немножечко сена из стогов. И при этом ужасно как боялся попасть белой сове в когти или горностаю в зубы.

Вот и еще житель, а складывать все нельзя:

$$1 + 2.$$

Начнешь складывать, а в это время то ли горностай, то ли сова зайчишку и съест. И вместо сложения получится вычитание. Лучше не будем и пробовать.

Но в лесу со всячинкой.

Случилось вот что.

Бежит раз утром зайчишка на свою опушку. Тут пень, снегом, как шапкой, накрыт. Зайчишка и присел за ним: ушами шевелит, слушает: нет ли кого на опушке? Не опасно ли дальше бежать?

А горностай из куста и сова с луга уже приметили: будто черных две мушки вьются над пнем. Белая сова и днем отлично видит.

Горностай нырнул в снег, пробежал под ним и бесшумно вскочил на пень. И сова стелет-летит бесшумно над самым снегом — к пню.

Горностай прыг зайчишке на спину!

Зайчишка как подскочит с перепугу!

А в воздухе его сова цоп в когти!

Одной лапой в зайчишку, а другой-то в горностая: некогда ей было разглядывать, кто на зайчишке верхом сидит.

И стало тут в лесу, как в арифметике: сложились один

зайчишка и два хищника — все три жителя лесной опушки — вместе:

$$1 + 2 = 3.$$

Да только не надолго: на один коротенький миг.

Бросил горностай зайчишку, впился всеми зубами сове в горло.

Бросила сова зайчишку, вцепилась всеми когтями горностаю в спину.

Зайчишка в снег упал.

Горностай сове зубами горло перервал.

Сова горностаю когтями спину переломила.

Упали оба мертвые.

А зайчишка вскочил — и в лес.

Тут уж, сам видишь, в арифметике, как в лесу: сложились трое, остался один —

$$1 + 2 = 1.$$

И не напрасно горностай и белая сова с самого начала не хотели складываться. Сложились:

$$1 + 1 = 0.$$

Ноль получился.

Потому что мертвые, хоть и хищники — они все равно не в счет.

Зайчишка, и тот их теперь не боится.

III

Мышонок Пик

Часть первая

КАК МЫШОНОК ПОПАЛ В МОРЕПЛАВАТЕЛИ

Ребята пускали по реке кораблики. Брат выреза́л их ножиком из толстых кусков сосновой коры. Сестренка прилаживала паруса из тряпочек.

На самый большой кораблик понадобилась длинная мачта.

— Надо из прямого сучка, — сказал брат, взял ножик и пошел в кусты.

Вдруг он закричал оттуда:

— Мыши, мыши!

Сестренка бросилась к нему.

— Рубнул сучок, — рассказывал брат, — а они как порскнут! Целая куча! Одна вон сюда, под корень. Погоди, я ее сейчас...

Он перерубил ножиком корень и вытащил крошечного мышонка.

— Да какой же он малюсенький! — удивилась сестренка. — И желтый! Разве такие бывают?

— Это дикий мышонок, — объяснил брат, — полевой. У каждой породы свое имя, только я не знаю, как этого зовут.

Тут мышонок открыл розовый ротик и пискнул.

— Пик! Он говорит, его зовут Пик! — засмеялась сестренка. — Смотри, как он дрожит! Ай! Да у него ушко в крови. Это ты его ножиком ранил, когда доставал. Ему больно.

— Все равно убью его, — сердито сказал брат. — Я их всех убиваю: зачем они у нас хлеб воруют?

— Пусти его, — взмолилась сестренка, — он же маленький!

Но мальчик ничего не хотел слушать.

— В речку заброшу, — сказал он и пошел к берегу.

Девочка вдруг догадалась, как спасти мышонка.

— Стой! — закричала она брату. — Знаешь что? Посадим его в наш самый большой кораблик, и пускай он будет за пассажира!

На это брат согласился: все равно мышонок потонет в реке. А с живым пассажиром кораблик пустить интересно.

Наладили парус, посадили мышонка в долбленое суденышко и пустили по течению. Ветер подхватил кораблик и погнал его от берега.

Мышонок крепко вцепился в сухую кору и не шевелился. Ребята махали ему руками с берега.

В это время их кликнули домой. Они еще видели, как легкий кораблик на всех парусах исчез за поворотом реки.

— Бедный маленький Пик! — говорила девочка, когда они возвращались домой. — Кораблик, наверно, опрокинет ветром, и Пик утонет.

Мальчик молчал. Он думал, как бы ему извести всех мышей у них в чулане.

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

А мышонка несло да несло на легком сосновом кораблике. Ветер гнал суденышко все дальше от берега. Кругом плескались высокие волны. Река была широкая — целое море для крошечного Пика.

Пику было всего две недели от роду. Он не умел ни пищи себе разыскивать, ни прятаться от врагов. В тот день мышка-мать первый раз вывела своих мышат из гнезда — погулять. Она как раз кормила их своим молоком, когда мальчик вспугнул все мышиное семейство.

Пик был еще сосунком. Ребята сыграли с ним злую шутку. Лучше б они разом убили его, чем пускать одного, маленького и беззащитного, в такое опасное путешествие.

Весь мир был против него. Ветер дул, точно хотел опрокинуть суденышко, волны кидали кораблик, как будто хотели утопить его в темной своей глубине. Звери, птицы, гады, рыбы — все были против него. Каждый непрочь был поживиться глупым, беззащитным мышонком.

Первые заметили Пика большие белые чайки. Они подлетели и закружились над корабликом. Они кричали от досады, что не могут разом прикончить мышонка: боялись с лету разбить себе клюв о твердую кору. Некоторые опустились на воду и вплавь догоняли кораблик.

А со дна реки поднялась щука и тоже поплыла за корабликом. Она ждала, когда чайки скинут мышонка в воду. Тогда ему не миновать ее страшных зубов.

Пик слышал хищные крики чаек. Он зажмурил глаза и ждал смерти.

В это время сзади подлетела крупная хищная птица — рыболов-скопа. Чайки бросились врассыпную.

Рыболов увидал мышонка на кораблике и под ним щуку в воде. Он сложил крылья и ринулся вниз.

Он упал в реку совсем рядом с корабликом. Концом крыла он задел парус, и суденышко перевернулось.

Когда рыболов тяжело поднялся из воды со щукой в когтях, на перевернутом кораблике никого не было. Чайки увидели это издали и улетели прочь: они думали, что мышонок утонул.

Пик не учился плавать. Но когда он попал в воду, оказалось, что надо только быстро работать лапками, чтобы не утонуть. Он вынырнул и ухватился зубами за кораблик.

Его понесло вместе с перевернувшимся суденышком.

Скоро суденышко прибило волнами к незнакомому берегу.

Пик выскочил на песок и кинулся в кусты.

Это было настоящее кораблекрушение, и маленький пассажир мог считать себя счастливцем, что спасся.

СТРАШНАЯ НОЧЬ

Пик вымок до последней шерстинки. Пришлось вылизать всего себя язычком. После этого шерстка скоро высохла, и он согрелся.

Ему хотелось есть. Но выйти из-под куста он боялся: с реки доносились резкие крики чаек.

Так он и просидел голодный целый день.

Наконец стало темнеть. Птицы угомонились. Только звонкие волны разбивались о близкий берег.

Пик осторожно вылез из-под куста.

Огляделся — никого. Тогда он темным клубочком быстро покатился в траву.

Тут он принялся сосать все листья и стебли, какие попадались ему на глаза. Но молока в них не было.

С досады он стал теребить и рвать их зубами.

Вдруг из одного стебля брызнул ему в рот теплый сок. Сок был сладкий, как молоко мыши-матери.

Пик съел этот стебель и стал искать другие такие же. Он был голоден и совсем не видел, что творится вокруг него.

А над макушками высоких трав уже всходила полная луна. Быстрые тени бесшумно проносились в воздухе: это гонялись за ночными бабочками верткие летучие мыши.

Тихие шорохи и шелесты слышались со всех сторон в траве. Кто-то копошился там, шмыгал в кустах, прятался в кочках.

Пик ел. Он перегрызал стебли у самой земли. Стебель падал, и на мышонка летел дождь холодной росы.

Зато на конце стебля Пик находил вкусный колосок. Мышонок усаживался, поднимал стебель передними лапками, как руками, и быстро съедал колосок.

Плюх-шлеп! — ударилось что-то о землю недалеко от мышонка.

Пик перестал грызть, прислушался.

В траве шуршало.

Плюх-шлеп! — опять послышалось впереди за кочками. — Плюх-шлеп!

Кто-то скакал по траве прямо на мышонка.

Надо скорей назад, в кусты!

Плюх-шлеп! — скакнуло сзади.

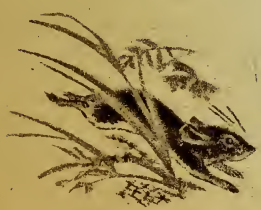
Плюх-шлеп! Плюх-шлеп! — раздавалось со всех сторон.

Плюх! — раздалось совсем близко впереди.

Чьи-то длинные, вытянутые ноги мелькнули над травой, и — шлеп! — перед самым носом Пика шлепнулся на землю пучеглазый маленький лягушонок.

Он испуганно уставился на мышонка. Мышонок с удивлением и страхом рассматривал его голую скользкую кожу... Так они сидели друг перед другом, и ни тот, ни другой не знали, что дальше делать.

А кругом попрежнему слышалось — плюх-шлеп! плюх-шлеп! — точно целое стадо перепуганных лягушат, спасаясь от кого-то, скакало по траве. И все ближе и ближе слышалось легкое быстрое шуршанье.



И вот на один миг мышонок увидел: позади лягушонка взметнулось длинное гибкое тело серебристо-черной змеи. Змея скользнула вниз, и длинные задние ноги лягушонка дрыгнули в ее разинутой пасти.

Что дальше было, Пик не видел. Он опрометью кинулся прочь и сам

не заметил, как очутился на ветке куста, высоко над землей.

Тут он и провел остаток ночи, благо брюшко у него было туго набито травой.

А кругом до рассвета слышались шорохи и шелесты.

ХВОСТ-ЦЕПЛЯЛКА И ШЕРСТКА-НЕВИДИМКА

Голодная смерть больше не грозила Пику: он уже научился находить себе пищу. Но как ему одному было спастись от всех врагов?

Мыши всегда живут большими обществами: так легче защищаться от нападения. Кто-нибудь да заметит приближающегося врага, свистнет, и все спрячутся.

А Пик был один. Ему надо было скорей отыскать других мышей и пристать к ним. И Пик отправился на розыски. Где только мог, он старался пробираться кустами. В этом месте было много змей, и он боялся спускаться к ним на землю.

Лазать он научился отлично. Особенно помогал ему хвост. Хвост у него был длинный, гибкий и цепкий. С такой цеплялкой он мог лазать по тоненьким веточкам не хуже мартышки.

С ветки на ветку, с сучка на сучок, с куста на куст — так пробирался Пик три ночи подряд.

Наконец кусты кончились. Дальше был луг.

Мышей в кустах Пик не встретил. Пришлось бежать дальше травой.

Луг был сухой. Змеи не попадались. Мышонок расхрабрился, стал путешествовать и при солнце. Ел он теперь все, что ему попадалось: зерна и клубни разных растений, жуков, гусениц, червей. А скоро научился и новому способу прятаться от врагов.

Случилось это так: Пик раскопал в земле личинки каких-то жуков; уселся на задние лапки и стал закусывать.

Ярко светило солнце. В траве стрекотали кузнечики.

Пик видел вдали над лугом маленького сокола-трясучку, но не боялся его. Трясучка — птица величиной с голубя, только потоньше, — неподвижно висела в пустом воздухе, точно подвешенная на веревочке. Только крылья у нее чуть-чуть тряслись, да голову она поворачивала из стороны в сторону.

Он и не знал, какие зоркие глаза у трясучки.

Грудка у Пика была белая. Когда он сидел, ее далеко было видно на бурой земле.

Пик понял опасность, только когда трясучка разом ринулась с места и стрелой понеслась к нему.

Бежать было поздно. У мышонка от страха отнялись ноги. Он прижался грудью к земле и замер.

Трясучка долетела до него и вдруг опять повисла в воздухе, чуть заметно трепеща острыми крыльями. Она никак не могла взять в толк, куда исчез мышонок. Сейчас только она видела его ярко-белую грудку, и вдруг он пропал. Она зорко всматривалась в то место, где он сидел, но видела только бурые комья земли.

А Пик лежал тут, у нее на глазах.

На спине-то шерстка у него была желто-бурая, точь-в-точь под цвет земли, и сверху его никак нельзя было разглядеть.

Тут выскочил из травы зеленый кузнечик.

Трясучка кинулась вниз, подхватила его на лету и умчалась прочь.

Шерстка-невидимка спасла Пику жизнь.

С тех пор он, как замечал издали врага, сейчас же прижимался к земле и лежал не шевелясь. И шерстка-невидимка делала свое дело: обманывала самые зоркие глаза.

«СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК»

День за днем Пик бежал по лугу, но нигде не находил никаких следов мышей.

Наконец опять начались кусты, а за ними Пик услышал знакомый плеск речных волн.

Пришлось мышонку повернуть и направиться в другую сторону. Он бежал всю ночь, а к утру забрался под большой куст и лег спать.

Его разбудила громкая песня. Пик выглянул из-под корней и увидел у себя над головой красивую птичку с розовой грудью, серой головкой и красно-коричневой спинкой.

Мышонку очень понравилась ее веселая песня. Ему захотелось послушать певичку поближе. Он полез к ней по кусту.

Певчие птицы никогда не трогали Пика, и он их не боялся. А эта певичка и ростом-то была немного крупнее воробья.

Не знал глупый мышонок, что это был сорокопут-жулан и что он хоть и певчая птица, а промышляет разбоем.

Пик и опомниться не успел, как жулан накинулся на него и больно ударил крючковатым клювом в спину.

От сильного удара Пик кубарем полетел с ветки.

Он упал в мягкую траву и не расшибся. Не успел жулан опять накинуться на него, как мышонок уже шмыгнул под корни.

Тогда хитрый «Соловей-разбойник» уселся на куст и стал ждать, не выглянет ли Пик из-под корней.

Он пел очень красивые песенки, но мышонку было не до них. С того места, где сидел теперь Пик, ему был хорошо виден куст, на котором сидел жулан.

Ветки этого куста были усажены длинными острыми колючками. На колючках, как на пиках, торчали мертвые, наполовину съеденные птенчики, ящерки, лягушата, жуки и кузнечики. Тут была воздушная кладовая разбойника.

Сидеть бы на колючке и мышонку, если бы он вышел из-под корней.

Целый день жулан сторожил Пика. Но когда зашло солнце, разбойник забрался в чащу спать. Тогда мышонок тихонько вылез из-под куста и убежал.

Может быть, впопыхах он сбился с пути, только на следующее утро он опять услышал за кустами плеск реки. И опять ему пришлось повернуть и бежать в другую сторону.

КОНЕЦ ПУТЕШЕСТВИЯ

Пик бежал теперь по высохшему болоту.

Здесь рос один сухой мох; бежать по нему было очень трудно, а главное — нечем было подкрепиться: не попадались ни черви, ни гусеницы, ни сочная трава.

На вторую ночь мышонок совсем выбился из сил. Он с трудом взобрался еще на какой-то пригорок и упал. Глаза его слипались. В горле пересохло. Чтобы немножко освежиться, он, лежа, слизывал со мха капельки холодной росы.

Начало светать. С пригорка Пик далеко видел покрытую мхом долину. За ней снова начинался луг. Сочные травы там стояли высокой стеной. Но у мышонка не было сил подняться и добежать до них.

Выглянуло солнце. От его горячего света быстро стали высыхать капельки росы.

Пик чувствовал, что ему приходит конец. Он собрал остатки сил, пополз, но тут же свалился и скатился с пригорка. Он упал на спину, лапками вверх, и видел теперь перед собой только обросшую мхом кочку.

Прямо против него в кочке виднелась глубокая черная дырка, такая узкая, что Пик не мог бы всунуть в нее даже голову.

Мышонок заметил, что в глубине ее что-то шевелится.

Скоро у входа показался мохнатый толстый шмель. Он вылез из дырки, почесал лапкой круглое брюшко, расправил крылья и поднялся на воздух.

Сделав круг над кочкой, шмель вернулся к своей норке и опустился у ее входа. Тут он привстал на лапках и так заработал своими жесткими крылышками, что ветер пахнул на мышонка.

Жжжуу! — гудели крылышки. — Жжжуу!..

Это был шмель-трубач. Он загонял в глубокую норку свежий воздух — проветривал помещение — и будил других шмелей, еще спавших в гнезде.

Скоро один за другим вылезли из норки все шмели и полетели на луг — собирать мед. Последним улетел трубач. Пик остался один. Он понял, что́ надо сделать, чтобы спастись.

Кое-как, ползком, с передышками, он добрался до шмелиной норки. Оттуда ударил ему в нос сладкий запах.

Пик ковырнул носом землю. Земля подалась.

Он ковырял еще и еще — пока не вырыл ямку. На дне ямки показались крупные ячейки серого воска. В одних лежали шмелиные личинки, другие были полны душистым желтым медом.

Мышонок жадно стал лизать сладкое лакомство. Вылизал весь мед, принялся за личинок и живо справился с ними.

Силы быстро возвращались к нему: такой сытной пищи он еще ни разу не ел с тех пор, как расстался с матерью. Он дальше и дальше разрывал землю — теперь уже без труда — и находил всё новые ячейки с медом, с личинками.

Вдруг что-то больно кольнуло его в щеку. Пик отскочил. Из-под земли лезла на него большая шмелиная матка.

Пик хотел было кинуться на нее, но тут загудели, зажужжали над ним крылья: шмели вернулись с луга.

Целое войско их накинулось на мышонка, и ему ничего не оставалось, как броситься в бегство.

Со всех ног пустился от них Пик. Густая шерстка защищала его от страшных шмелиных жал. Но шмели выбирали места, где волос покороче, и кололи его в уши, в ноги, в затылок.

Одним духом — откуда и прыть взялась! — домчался он до луга и спрятался в густой траве.

Тут шмели отстали от него и вернулись к своему разграбленному гнезду.

В тот же день Пик пересек сырой, болотистый луг и снова очутился на берегу реки.

Пик находился на острове.

ПОСТРОЙКА ДОМА

Остров, на который попал Пик, был необитаемый: мышей на нем не было. Жили тут только птицы, только змеи да лягушки, которым ничего не стоило перебраться сюда через широкую реку.

Пик должен был жить один, окруженный врагами.

Знаменитый Робинзон, когда он попал на необитаемый остров, стал думать, как ему жить одному. Он рассудил, что сперва надо выстроить себе дом, который защищал бы его от непогоды и нападения врагов. А потом стал собирать запасы на черный день.

Пик был всего только мышонок: он не умел рассуждать. И все-таки он поступил как раз так же, как Робинзон. Первым делом он принялся строить себе дом.

Его никто не учил строить: это было у него в крови. Он строил так, как строили все мыши одной с ним породы.

На болотистом лугу рос высокий тростник вперемежку с осокой — отличный лес для мышиной постройки.

Пик выбрал несколько растущих рядом тростинок, влез на них, отгрыз верхушки и концы расщепил зубами. Он был так мал и легок, что трава легко держала его.

Потом он принялся за листья. Он влезал на осоку и отгрызал лист у самого стебля. Лист падал, мышонок слезал вниз, поднимал передними лапами лист и протягивал его сквозь стиснутые зубы. Размочаленные полоски листьев мышонок таскал наверх и ловко вплетал их в расщепленные концы тростника. Он влезал на такие тонкие травинки, что они гнулись под ним. Он связывал их вершинами одну с другой.

В конце концов у него получился легкий круглый домик, очень похожий на птичье гнездышко. Весь домик был величиной с детский кулак.

Сбоку мышонок проделал в нем ход, внутри выложил мхом, листьями и тонкими корешками. Для постели он натаскал мягкого, теплого цветочного пуха. Спаленка вышла наславу.

Теперь у Пика было где отдыхать и прятаться от непогоды и врагов. Издали самый зоркий глаз не мог бы приметить травяное гнездышко, со всех сторон скрытое высоким тростником и густой осокой. Ни одна змея не добралась бы до него: так высоко оно висело над землей.

Лучше придумать не мог бы и сам настоящий Робинзон.

Проходили дни за днями.

Мышонок спокойно жил в своем воздушном домике. Он стал совсем взрослым, но вырос очень мало. Больше расти ему не полагалось, потому что Пик принадлежал к породе мышей-малюток. Эти мыши еще меньше ростом, чем наши маленькие серые домовые мыши.

Пик часто теперь подолгу пропадал из дому. В жаркие дни он купался в прохладной воде болота, неподалеку от луга.

Один раз он с вечера ушел из дому, нашел на лугу два шмелиных гнезда и так наелся меду, что тут же забрался в траву и заснул.

Домой вернулся Пик только утром. Еще внизу он заметил что-то неладное. По земле и по одному из стеблей тянулась широкая полоса густой слизи, а из гнезда торчал толстый кургузый хвост.

Мышонок не на шутку струсил. Гладкий жирный хвост похож был на змеиный. Только у змей хвост твердый и покрыт чешуей, а этот был голый, мягкий, весь в какой-то липкой слизи.

Пик набрался храбрости и влез по стеблю, поближе взглянуть на незваного гостя.

В это время хвост медленно зашевелился, и перепуганный мышонок кубарем скатился на землю. Он спрятался в траве и оттуда увидел, как чудовище лениво выползло из его дома.

Сперва исчез в отверстии гнезда толстый хвост. Потом оттуда показались два длинных мягких рога с пупырышками на концах. Потом еще два таких же рога — только коротких. И за ними наконец высунулась вся отвратительная голова чудовища.

Мышонок видел,

как медленно-медленно выползло, точно пролилось из его дома, голое, мягкое, слизкое тело гигантского слизняка. От головы до хвоста слизняк был длиной добрых три вершка.

Он начал спускаться на землю. Его мягкое брюхо плотно прилипало к стеблю, и на стебле оставалась широкая полоса густой слизи.

Пик не стал дожидаться, когда он сползет на землю, и убежал. Мягкий слизняк ничего не мог сделать ему, но мышонку было противно это вялое, липкое животное.

Только через несколько часов Пик вернулся. Слизняк куда-то уполз.

Мышонок залез в свое гнездо. Все там было вымазано противной слизью. Пик выкинул весь пух и постелил новый. Только после этого он решился лечь спать.

С тех пор, уходя из дому, он всегда затыкал вход пучком сухой травы.

КЛАДОВАЯ

Дни становились короче, ночи холоднее.

На злаках созрели зерна. Ветер ронял их на землю, и птицы стаями слетались к мышонку на луг подбирать их.

Пику жилось очень сытно. Он с каждым днем полнел. Шерстка на нем лоснилась.

Теперь маленький четырехногий робинзон устроил себе кладовую и собирал в нее запасы на черный день.

Он вырыл в земле норку и конец ее расширил. Сюда он и таскал зерна, как в погреб.

Потом этого ему показалось мало. Он вырыл рядом другой погреб и соединил их подземным ходом.

Всё шли дожди. Земля размякла сверху, трава пожелтела, намокла и поникла. Травяной домик Пика опустился и висел теперь низко над землей. В нем завелась плесень.

Жить в гнезде стало плохо. Скоро трава совсем полегла на землю, гнездо приметным темным шариком висело на тростнике. Это уже было опасно

Пик решил перейти жить под землю. Он больше не боялся, что к нему в норку заползет змея или потревожат его непоседливые лягушата: змеи и лягушата давно куда-то исчезли.

Мышонок выбрал себе для норки сухое и укромное местечко под кочкой. Ход в норку Пик устроил с подветренной стороны, чтобы холодный воздух не задувало в его жилище.

От входа шел длинный прямой коридор. Он расширялся в конце в небольшую круглую комнатку. Сюда Пик натаскал сухого мху и травы — устроил себе спальню.

В его новой подземной спальне было тепло и уютно. Он прорыл из нее под землей ходы в оба свои погреба, чтобы ему можно было бегать, не выходя наружу.

Когда все было готово, мышонок плотно заткнул травой вход в свой воздушный летний домик и перешел жить в подземный.

СНЕГ И СОН

Птицы больше не прилетали на луг клевать зерно. Трава плотно легла на землю, и холодный ветер свободно разгуливал по острову.

К тому времени Пик ужасно растолстел. Какая-то вялость на него напала. Ему лень было много шевелиться. Он все реже вылезал из норки.

Раз утром он увидел, что вход в его жилище завалило. Он разрыл холодный рыхлый снег и вышел на луг.

Вся земля была белая. Снег нестерпимо сверкал на солнце. Голые лапки мышонка обжигало холодом.

Потом начались морозы.

Плохо пришлось бы мышонку, если б он не запас себе пищи. Как выкапывать зерна из-под глубокого мерзлого снега?

Сонливая вялость все чаще охватывала Пика. Теперь он не выходил из спальни по два, по три дня и все спал. Проснувшись, отправлялся в погреб, наедался там и опять засыпал на несколько дней.

Наружу он совсем перестал выходить.

Под землей ему было хорошо. Он лежал на мягкой постели, свернувшись в теплый, пушистый клубок. Сердчишко его билось все реже, все тише. Дыхание стало слабым-слабым. Сладкий, долгий сон совсем одолел его.

Мыши-малютки не спят всю зиму, как сурки или хомяки. От долгого сна они худеют, им становится холодно. Тогда они просыпаются и берутся за свои запасы.

Пик спал спокойно: ведь у него было два полных погреба зерна. Он и не чуял, какое неожиданное несчастье скоро стрясется над ним.

Часть вторая

УЖАСНОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ

Морозным зимним вечером ребята сидели у теплой печки.

— Плохо сейчас зверушкам, — задумчиво сказала сестренка. — Помнишь маленького Пика? Где он теперь?

— А кто его знает! — равнодушно ответил брат. — Давно уж, верно, попал кому-нибудь в когти.

Девочка всхлипнула.

— Ты чего? — удивился брат.

— Жалко мышонка! Он такой пушистый, желтенький...

— Нашла кого жалеть! Мышеловку поставлю — сто штук тебе наловлю!

— Не надо мне сто! — всхлипывала сестренка. — Принеси мне одного такого маленького, желтенького...

— Обожди, глупая, может, и такой попадется.

Девочка утерла кулачками слезы.

— Ну, смотри: попадется — ты его не трогай, мне подари. Обещаешь?

— Ладно уж, рёва! — согласился брат.

В тот же вечер он поставил в чулане мышеловку.

Это был тот самый вечер, когда Пик проснулся у себя в норке.

На этот раз его разбудил не голод. Сквозь сон мышонок почувствовал, как что-то тяжелое надавило ему на спину. И сейчас же мороз защипал его под шерсткой.

Когда Пик совсем очнулся, его уже било от холода. Сверху его придавили земля и снег. Потолок над ним обвалился. Коридор был засыпан.

Нельзя было медлить ни минуты: мороз шутить не любит. Надо в погреб и поскорей наесться зерна: сытому теплей, сытого мороз не убьет.

Мышонок выскочил наверх и по снегу побежал к погребам.

Но весь снег кругом был изрыт узкими глубокими ямками — следами козьих копыт. Пик поминутно падал в ямки, карабкался наверх и снова летел вниз.

А когда добрался до того места, где были его погреба, он увидел там только большую яму.

Козы не только разрушили его подземное жилище, но и съели все его запасы.

ПО СНЕГУ И ПО ЛЬДУ

Немножко зерен Пику удалось все-таки откопать в яме. Козы втоптали их в снег копытами.

Пища подкрепила мышонка и согрела его. Опять начала охватывать его вялая сонливость. Но он чувствовал: поддашься сну — замерзнешь.

Пик стряхнул с себя лень и побежал.

Куда? Этого он и сам не знал. Просто, бежал и бежал, куда глаза глядят.

Наступила уже ночь, и луна стояла высоко в небе. Мелкими звездочками блестел кругом снег.

Мышонок добежал до берега реки и остановился. Берег был обрывистый. Под обрывом лежала густая, темная тень. А впереди сверкала широкая ледяная река.

Пик тревожно понюхал воздух. Он боялся бежать по льду. Что, если кто-нибудь заметит его посреди реки? В снег хоть зарыться можно, если опасность.

Назад повернуть — там смерть от холода и голода. Впереди где-нибудь есть, может быть, пища и тепло. И Пик побежал вперед. Он спустился под обрыв и покинул остров, на котором долго жил так спокойно и счастливо.

А злые глаза уже заметили его.

Он не добежал еще до середины реки, когда сзади стала его настигать быстрая и бесшумная тень. Только тень, легкую тень на льду он и увидал, обернувшись. Он даже не знал, кто за ним гонится.

Напрасно он припал к земле брюшком, как делал всегда в минуту опасности: его темная шерстка резким пятном выделялась на сверкающем синеватом льду, и прозрачная мгла лунной ночи не могла спрятать его от страшных глаз врага.

Тень покрыла мышонка. Кривые когти больно впились в его тело. По голове чем-то крепко стукнуло. И Пик перестал чувствовать.

ИЗ БЕДЫ В БЕДУ

Пик очнулся в полной темноте. Он лежал на чем-то твердом и неровном. Голова и раны на теле сильно болели, но было тепло.

Пока он зализывал свои раны, глаза его понемножку начали привыкать к темноте.

Он увидел, что находится в просторном помеще-

нии с круглыми стенами, уходящими куда-то вверх. Потолка не было видно, хотя где-то над головой мышонка зияло большое отверстие. Через это отверстие в помещение проникал еще совсем бледный свет утренней зари.

Пик посмотрел, на чем он лежит, и сейчас же вскочил.

Лежал он, оказывается, на мертвых мышах. Мышей было несколько, и все они закоченели: видно, лежали здесь давно.

Страх придал мышонку силы. Пик выкарабкался по шероховатой отвесной стене и выглянул наружу.

Кругом были только засыпанные снегом ветви. Внизу под ними виднелись макушки кустов.

Сам Пик находился на дереве: выглядывал из дупла.

Кто принес его сюда и бросил на дно дупла, мышонок так никогда и не узнал. Да он и не ломал себе голову над этой загадкой, а просто поспешил скорей удрать отсюда.

Дело же было так. На льду реки его настигла ушастая лесная сова. Она стукнула его клювом по голове, схватила когтями и понесла в лес.

К счастью, сова была очень сыта: она только что поймала зайца и съела, сколько могла. Зоб ее был так плотно набит, что в нем не оставалось места даже для маленького мышонка. Она и решила оставить Пика прозапас.

Сова отнесла его в лес и кинула в дупло, где у нее была кладовая. Она еще с осени натаскала сюда с десяток убитых мышей. Зимой добывать пищу бывает трудно, и даже таким ловким ночным разбойникам, как сова, случается голодать.

Конечно, она не знала, что мышонок только оглушен, а то сейчас же проломила бы ему череп своим острым клювом. Обыкновенно ей удавалось прикончивать мышей с первого удара.

Пику очень повезло на этот раз.

* * *

Пик благополучно спустился с дерева и юркнул в кусты.

Только тут он заметил, что с ним творится что-то неладное: дыхание со свистом вылетало у него из горла.

Раны не были смертельны, но совиные когти что-то повредили у него в груди, и вот он начал свистеть после быстрого бега.

Когда он отдохнул и стал дышать ровно, свист прекратился. Мышонок наелся горькой коры с куста и снова побежал — подальше от страшного места.

Мышонок бежал, а позади него оставалась в снегу тонкая двойная дорожка: его след.

И когда Пик добежал до поляны, где за забором стоял большой дом с дымящими трубами, на след его уже напала лиса.

Нюх у лисы очень тонкий. Она сразу поняла, что мышонок пробежал тут только что, и пустилась его догонять.

Ее огненно-рыжий хвост так и замелькал меж кустов, и уж, конечно, она бежала гораздо быстрей мышонка.

ГОРЕ-МУЗЫКАНТ

Пик не знал, что лиса гонится за ним по пятам. Поэтому, когда из дома выскочили две громадные собаки и с лаем кинулись к нему, он решил, что погиб.

Но собаки, понятно, его даже не заметили. Они увидели лису, которая выскочила за ним из кустов, и кинулись на нее.

Лиса мигом повернула назад. Ее огненный хвост мелькнул в последний раз и исчез в лесу. Собаки громадными прыжками пронеслись над головой мышонка и тоже пропали в кустах.

Пик без всяких приключений добрался до дома и шмыгнул в подполье.

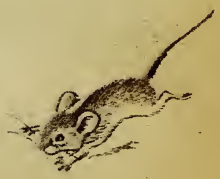
Первое, что Пик заметил в подполье, был сильный запах мышей.

У каждой породы зверей свой запах, и мыши различают друг друга по запаху так же хорошо, как мы различаем людей по их виду.

Поэтому Пик узнал, что тут жили мыши не его породы. Но все-таки это были мыши, и Пик был мышонок. Он так же обрадовался им, как Робинзон обрадовался людям, когда вернулся к ним со своего необитаемого острова.

Сейчас же Пик и побежал отыскивать мышей.

Но разыскать мышей здесь оказалось



не так просто. Мышиные следы и запах их были всюду, а самих мышей нигде не было видно.

В потолке подполья были прогрызены дырки. Пик подумал, что мыши, может быть, живут там, наверху, взобрался по стенке, вылез через дырку и очутился в чулане.

На полу стояли большие, туго набитые мешки. Один из них был прогрызен внизу, и крупа высыпалась из него на пол.

А по стенкам чулана были полки. Оттуда доносились разные замечательно вкусные запахи. Пахло и копченым, и сушеным, и жареным, и еще чем-то очень сладким.

Голодный мышонок жадно набросился на еду.

После горькой коры крупа показалась ему такой вкусной, что он наелся прямо доотвала. Так наелся, что ему даже дышать стало трудно.

И тут опять в горле у него засвистело и запело.

А в это время из дырки в полу высунулась усатая острая мордочка. Сердитые глазки блеснули в темноте, и в чулан выскочила крупная серая мышь, а за ней еще четыре такие же.

Вид у них был такой грозный, что Пик не решился кинуться им навстречу. Он робко топтался на месте и от волнения свистал все громче и громче.

Серым мышам не понравился этот свист. Откуда взялся этот чужой мышонок-музыкант? Серые мыши чулан считали своим. Они иногда принимали к себе в подполье диких мышей, прибегавших из лесу, но таких свистунов никогда еще не видали.

Одна из мышей бросилась на Пика и больно куснула его в плечо. За ней налетели другие.

Пик еле-еле успел улизнуть от них в дырочку под каким-то ящиком. Дырочка была так узка, что серые мыши не могли туда за ним пролезть. Тут он был в безопасности.

Но ему было очень горько, что его серые родственники не захотели принять его в свою семью.

МЫШЕЛОВКА

Каждое утро сестренка спрашивала у брата:

— Ну что, поймался мышонок?

Брат показывал ей мышей, какие попадались ему в мышеловку. Но это были всё серые мыши, и девочке они не нравились. Она даже немножко боялась их. Ей непременно надо было маленького желтого мышонка.

— Отпусти их, — говорила она грустно. — Эти не такие хорошие.

Брат уносил пойманных мышей и — тихонько от девочки — топил их в ведре. А в последние дни мыши что-то совсем перестали ему попадаться.

Удивительней всего было, что приманку кто-то съедал каждую ночь. С вечера мальчик насадит пахучий кусочек копченой ветчины на крючок, насторожит тугие дверцы мышеловки, а утром придет — на крючке нет ничего, и дверцы захлопнуты.

Он уж и мышеловку сколько раз осматривал: нет ли где дырки? Но больших дырок — таких, через которые могла пролезть мышь, — в мышеловке не было.

Так прошла целая неделя, а мальчик никак не мог понять, кто ворует у него приманку.

И вот утром на восьмой день мальчик прибежал из чулана и еще в дверях закричал:

— Поймал! Гляди: желтенький!

— Желтенький, желтенький! — радовалась сестренка. — Смотри, да это же наш Пик: у него и ушко разрезано. Помнишь, ты его ножиком тогда?.. Беги скорей за молоком, а я оденусь пока.

Она лежала еще в постели.

Брат побежал в другую комнату, а она поставила мы-

шеловку на пол, выскочила из-под одеяла и быстро накинула на себя платье.

Но когда она снова взглянула на мышеловку, мышонка там уже не было.

Пик давно научился удирать из мышеловки. Одна проволочка была в ней немножко отогнута. Серые мыши не могли протиснуться в эту лазейку, а он проходил свободно.

Он попадал в ловушку через открытые дверцы и сейчас же дергал за приманку. Дверцы с шумом захлопывались, но он быстро оправлялся от страха, спокойно съедал приманку, а потом уходил через лазейку.

В последнюю ночь мальчик случайно поставил мышеловку у самой стенки и как раз тем боком, где была лазейка, и Пик попался. А когда девочка оставила мышеловку среди комнаты, он выскочил и спрятался за большой сундук.

МУЗЫКА

Брат застал сестренку в слезах.

— Он убежал! — говорила она сквозь слезы. — Он не хочет у меня жить!

Брат поставил блюдечко с молоком на стол и принялся ее утешать.

— Распустила нюни! Да я его сейчас поймаю в сапог!

— Как в сапог? — удивилась девочка.

— Очень просто! Сниму сапог и положу его голенищем по стенке, а ты погонишь мышонка. Он побежит вдоль стенки, — они всегда по самой стенке бегают, — увидит дырку в голенище, подумает, что это норка, и шмыг туда! Тут я его и схвачу, в сапоге-то.

Сестренка перестала плакать.

— А знаешь что? — сказала она задумчиво. — Не будем его ловить. Пусть живет у нас в комнате. Кошки у нас нет, его никто не тронет. А молочко я буду ставить ему вот сюда, на пол.

— Всегда ты выдумываешь! — недовольно сказал брат. — Мне дела нет. Этого мышонка я тебе подарил, делай с ним, что хочешь.

Девочка поставила блюдце на пол, накрошила в него

хлеба. Сама села в сторонке и стала ждать, когда мышонок выйдет. Но он так и не вышел до самой ночи. Ребята решили даже, что он убежал из комнаты.

Однако утром молоко оказалось выпитым и хлеб съеденным.

«Как же мне его приручить?» думала девочка.

Пику жилось теперь очень хорошо. Он ел теперь всегда вдоволь, серых мышей в комнате не было, и его никто не трогал. Он натаскал за сундук тряпок и бумажек и устроил себе там гнездо.

Людей он остерегался и выходил из-за сундука только ночью, когда ребята спали.

Но раз днем он услышал красивую музыку. Кто-то играл на дудочке. Голос у дудочки был тонкий и такой жалобный.

И опять, как в тот раз, когда Пик услыхал «Соловья-разбойника» — жулана, мышонок не мог справиться с искушением послушать музыку ближе. Он вылез из-за сундука и уселся на полу среди комнаты.

На дудочке играл мальчик. Девочка сидела рядом с ним и слушала. Она первая заметила мышонка.

Глаза у нее стали вдруг большие и темные. Она тихонько подтолкнула брата локтем и прошептала ему:

— Не шевелись!.. Видишь, Пик вышел. Играй, играй: он хочет слушать!

Брат продолжал дудеть.

Дети сидели смирно, боясь пошевелиться.

Мышонок слушал грустную песенку дудочки и как-то совсем забыл про опасность.

Он даже подошел к блюдцу и стал лакать молоко, точно в комнате никого не было. И скоро налакался так, что сам стал свистеть.

— Слышишь? — тихонько сказала девочка брату. — Он поет.

Пик опомнился только тогда, когда мальчик опустил дудочку. И сейчас же убежал за сундук.

Но теперь ребята знали, как приручить дикого мышонка. Они тихонько дудели в дудочку. Пик выходил на середину комнаты, садился и слушал. А когда он сам начинал свистеть, у них получались настоящие концерты.

ХОРОШИЙ КОНЕЦ

Скоро мышонок так привык к ребятам, что совсем перестал их бояться. Он стал выходить без музыки. Девочка приучила его даже брать хлеб у нее из рук. Она садилась на пол, а он карабкался к ней на колени.

Ребята сделали ему маленький деревянный домик с нарисованными окнами и настоящими дверями.

В этом домике он жил у них на столе. А когда выходил гулять, по старой привычке затыкал дверь всем, что попадалось ему на глаза: тряпочкой, мятой бумажкой, ватой.

Даже мальчик, который так не любил мышей, очень привязался к Пику. Больше всего ему нравилось, что мышонок ест и умывается передними лапками, как руками.

А сестренка очень любила слушать его тоненький-тоненький свист.

— Он хорошо поет, — говорила она брату, — он очень любит музыку.

Ей в голову не приходило, что мышонок пел совсем не для своего удовольствия. Она ведь не знала, какие опасности пережил маленький Пик и какое трудное путешествие он совершил раньше, чем попал к ней.

И хорошо, что оно так хорошо кончилось.

ЧЕРНЫЙ

СМИРЬКЕ НЕДОСУГ

С вечера потеплело и выпала поро́ша.

Наутро ребята весело побежали в школу. По дороге перекидывались в снежки.

Один Смирька отставал, плелся сзади.

В лесу ребята свернули тропкой. А Смирька дальше идет дорогой: шарит глазами по снегу.

Ребята ему:

— Айда скорей! Опоздаешь.

А он им:

— Мне недосуг.

Вот чудак: тропкой-то ведь ближе!

Смирькина сестренка крикнула дурашливо:

Недосуг! Недосуг!
Его повесили на сук!

Все засмеялись и больше не стали звать Смирьку.

Над самой тропкой со́сны и ели протянули свои ветви. А на ветвях снег. Ребята давай снег друг дружке за шиворот стряхивать. Визг, хохот!

Так незаметно и добежали до школы.

Смирьки, конечно, еще нет. Да о нем и забыли: в школе случилась беда.

Пропал сторожихин Шарик.

Шарика все любили. Он был маленький, кудлатый, старенький. Утром всех встречал добродушным лаем и махал хвостом. После уроков всегда кого-нибудь провожал. Доведет до конца леса — и назад.

И вот Шарик пропал. Сторожиха говорила: еще в полночь брехал, а утром звала — как в воду канул.

Кто говорит — увели Шарика. Кто говорит — куда такого старого, кудлатого! Ему, верно, время помирать пришло, он и забился куда-нибудь под сарай.

Пока спорили, и Смирька подошел. Тут звонок зазвонил. Все разбежались по классам.

На переменках ребята облазили сараи, залезали под все школьные постройки.

Шарика нигде не было.

Кончились уроки. Наши ребята вышли на дорогу, глядят: знакомые колхозники едут. Сани порожние.

Ребята и попросились:

— Подвезите, дяденьки!

— А садитесь.

Ребята по саням. Кричат Смирьке:

— С нами садись!

А Смирька им:

— Мне недосуг. Я тропкой.

Ну, не чудак: ведь на санях-то, хоть и дорогой, все равно скорей!

Приехали ребята домой. И уж пообедать успели. Глядь, Смирька бежит. И прямо к охотнику — к Сысой Сысоичу. Раскраснелся весь, пальтушку распахнул.

Ребята спрашивают:

— Ты чего? А? Ты откуда?

Молчит.

Сысой Сысоич у крыльца дрова рубил.

Смирька к нему и говорит:

— Школьного Шарика зверь-то заел.

Ребята прыснули: заяц, что ли? Страшней зайца да лисы кругом на сто километров зверей нет.

А Смирька руку в карман — и вытащил черную лохматую собачью лапку.

Все так и ахнули: Шарикова лапка-то!

А Сысой Сысоич топор за пояс заткнул, шапку от снега оббил — снег уж с полчаса как опять повалил, и говорит:

— Все может быть. Идем в избу — доложишь, как про то дознался.

За Смирькой полная изба ребят набилась.

КАК СТРАХ ЗАРОДИЛСЯ

Смирька потому не свернул тропкой, что приметил звериный след.

По теплой пороше следы печатные. Разбирать их Смирьку научил Сысой Сысоич — какие собачьи, какие заячьи, хоря, горностая. Сысой Сысоич хоть недавно в деревне — первую зиму здесь белку промышляет, но Смирька все воскресенья с ним неотлучно.

Смирька сразу приметил: совсем особенный след идет вдоль дороги в лесу. Когтистый, лапистый.

Скачками зверь шел: две лапы рядом — промежуток, опять две лапы.

След скоро свернул в чащу, и Смирька поспешил в школу.

Пока ребята на переменках искали Шарика под сараями, Смирька обошел школу полем. И приметил на снегу Шариков след. Шариков след шел в лес, к тропке.

Вот Смирька после уроков и пошел Шариковым следом.

Кто его знает, зачем Шарик ночью в лес побежал? Может, зайца приметил; может, за мышкой; может, еще по каким своим делам.

Скоро Шариков след вышел на тропку и тут пропал: ребята его затоптали.

Смирька шел да шел тропкой, вдруг видит: тот, звериный, след поперек, и Шариков — рядом.

Первый, верно, зверь прошел, а Шарик — по его следу.

Смирька свернул с тропки. Валенки в снегу увязают, но ничего — итти можно.

Следы ушли в ельничек, вышли из него, подошли к большой корявой сосне и тут... Тут, под самой сосной, Смирька это и увидел: снег примят, на нем кровь, клочья кудлатой шерсти. И откушенная Шарикова лапка.

В сторону шел один след зверя.

По носу Смирьку мазнуло мокрым. Он поднял голову.

Кружась, падали между веток снежинки.

Но Смирька увидел и другое: невысоко, прямо над тем местом, где лежала Шарикова лапка, торчала большая толстая ветка сосны. С нее свисали клочья свежеободранной кожуры.

И Смирька сразу все понял: зверь забрался на сосну; Шарик пришел по его следу; зверь бросился на него сверху и растерзал на месте.

Смирьке стало не по себе: ведь он не знал, какой это зверь. Может, такой, что и на человека бросится. Притаился где-нибудь тут и следит за Смирькой.

Смирька подхватил Шарикову лапку — и скорей назад. Бежал по тропке, все оглядывался: не догоняет ли кто сзади?

Ребята слушали Смирьку — даже рты разинули. А когда он кончил, перевели глаза на Сысой Сысоича.

Сысой Сысоич задумчиво теребил бороду пальцами и смотрел в окно пустыми глазами.

Все ждали: сейчас он сообразит и объявит всем, какой это зверь.

— Все может быть, — рассеянно проговорил наконец Сысой Сысоич. — Что за зверь — в толк не возьму. Медведь спит, волк — он по деревьям не лазает. Рысь лазает, да ведь ты говоришь — когти на следу?

— Во какие! — сказал Смирька и показал: в полпальца.

— Рысь — кошка. Кошка — та на ходу когти убирает, след у ней вовсе круглый.

Еще подумал Сысой Сысоич и тихо, будто про себя, сказал:

— Лес — бес. Мало ли какой зверь в нем заведется! Может, и названия его не слыхал. А он тебя караулит из чащи, все видит, по пятам за тобой крадется, почем знать?

И вот, как сказал он это, ребятам сразу стало страшно.

Сказал бы — волк, медведь, все ничего: звери хоть лютые, да по рассказам известные. Сам же Сысой Сысоич рассказывал, как их бил.

А тут — неизвестно, какой зверь. Какой хочешь: может, с крыльями и по деревьям не лазает, а летает. Пойдешь домой, а он у тебя на крыше, на коньке сидит. Может, он не только собачьим, а и человечьим мясом питается.

Смирькина сестренка тихонько сказала:

— Ой, девоньки, страсти какие! Ладно завтра воскресный день — в школу не итти.

И все молча гурьбой повалили из избы.

Сысой Сысоич даже не заметил этого.

Он опять уставился в окно и шептал про себя:

— Кабы вот следов не замело... Ах ты ну!.. Ума не приложу: что́ за зверь такой?

За окном в сумерках густо валил снег.

Утром Смирька водил Сысой Сысоича показывать место, где зверь растерзал Шарика.

Клочья сосновой кожуры все так же свисали с ветки. И клочья Шариковой шерсти нашли, разрыв снег. А от следов и помину не осталось: всю ночь был снегопад.

Зорька — лайка Сысой Сысоича — и та ничего не учуяла. Потыкалась носом в снег, фыркнула и равнодушно зевнула.

С тем и вернулись.

Весь день у ребят только и было разговору, что о таинственном звере. А на следующее утро — в понедельник — всполошилась вся школа.

Случилось вот что.

Накануне ночью школьной сторожихе зачем-то понадобилось в чулан. Чулан в школе — пристроечка к дому.

Старушка тихонько повернула ключ, открыла дверь — да так и села на землю: кто-то черный взметнулся в чулане и вылетел через крышу!

В крыше две доски были отодраны, лунный свет лил в щель.

Черный исчез, как сгинул. А старуха как закричит — все учителя и учительницы в соседних домиках проснулись.

Прибежали полуодетые, видят: старуха без ума от страха, в крыше дыра, а в чулане целый окорок пропал. Веревочка на гвозде и осколки раздробленной кости окорока валяются на полу.

После этого никто уж не решался итти тропкой. Дорогой и то боялись в одиночку, кучками собирались.

Все дружно ругали Сысой Сысоича: тоже охотником называется, а зверя найти не может! Заглазно ругали: весь тот день Сысой Сысоич пропадал где-то в лесу с лайкой своей Зорькой.

Вечером собрались ребята в Смирькину избу: Смирькин отец на фронте был, один дед дома, да тот спит на печи. Можно потолковать на свободе.

Толковали, конечно, всё о Черном. Вспоминали, какие на свете есть страшные звери. И черные.

Смирькин дед зашуршал вдруг, спустил ноги с печи.

Стал рассказывать, какие звери в здешних местах водились на его памяти.

На том месте, где теперь школу построили, самый глухой лес был. Там волки выли. Зимой они забегали в деревни.

А в лесу дед сам не раз медведей видел. Тоже от лося раз на дерево забрался; еле дождался, когда уйдет.

И вдруг все услышали легкий шум за окном. Прислушались: чьи-то шаги. Тихие.

Потом зашуршало под другим окном.

Потом заскрипели ступеньки крыльца.

Зашебуршало в сенях.

Затаив дыхание, все повернулись к двери.

Дверь сильно дернуло снаружи.

Смирькина сестренка пронзительно взвизгнула и кошкой стрельнула под лавку.

Клуб белого морозного воздуха вкатился в избу, и вошел Сысой Сысоич.

— Никак у вас тут сходка? — сказал он, закрывая за собой дверь. — Поди, всё о Черном толкуете? Ладно, завтра мы со Смирькой представим его вам, глядите да удивляйтесь.

Тут на Сысой Сысоича горохом посыпались вопросы:

— Нашел? Видал? Как звать? Большой?

— А очень страшный? — спросила Смирькина сестренка, вылезая из-под лавки.

— Не страшней страха, — засмеялся Сысой Сысоич. — Сам еще ничего не знаю. Придется уж вам подождать до завтра.

Потом сказал серьезно:

— Одному мне не справиться. Пособишь, Смиря?

Все повернулись к Смирьке.

Смирька поглядел по сторонам, уставился в пол.

— Пойду, — сказал он чуть слышно.

ПО СЛЕДАМ, КАК ПО КОСТОЧКАМ

Плохо спал Смирька в ту ночь. То любопытство разбирало: какой такой зверь окажется? То страх одолевал: а ну, как не положит зверя Сысой Сысоич с первой пули? Или неожиданно кинется зверь с дерева, как на Шарика?

* * *

Чуть свет забрезжил в окне, постучал Сысой Сысоич.

На дворе был мороз. К Смирьке подбежала Зорька, вскинулась ему на грудь, лизнула в нос.

Сысой Сысоич держал на сворке еще незнакомого большого гончего пса.

Стали на лыжи, пошли по дороге в школу.

— Боишься? — спросил Сысой Сысоич. — А ты приглядывайся да смекай — вот страх и пройдет. К следам ты приметлив, замечаю. Вон как про Шарика все верно рассказал. По следам ведь все, как по косточкам, разобрать можно.

По следу можно многое про зверя узнать. Про ту же лисицу: поглядишь зорко на след и уж знаешь, самец или самка, молодая или старая, хороша на ней шуба или плоха. Потому, если шуба на лисице хороша, значит лисица сыта ходит. А сытая она и ступает не так, как голодная: легко себя носит. Ты следы Черного видел. Вот и смекай про себя: велик ли зверь? Не больше собачьего следа, так ведь?

— Верно, — подтвердил Смирька.

— Значит, ростом и сам зверь не больше собаки. Не такой уж, значит, страшный он, чтобы человеку его бояться. Гляди теперь: тут я следы приметил и вчера с вечера весь этот остров флажками обнес.

Впереди перед ними — на задах у школы — был большой остров леса. Кромкой его шел обрыв: там речка. Низко на деревьях вдоль всей стены леса тянулась бечевка. С нее свисали красные тряпочные языки, друг от друга не больше метра.

— Не знаю, что́ за черный зверь, — сказал Сысой Сысоич. — А волки и лисицы флажков боятся, не выйдут из круга. Думается, и этот сразу-то на нас не осмелится. Я кругом весь лес флажками обнес. А теперь вот что.

И он рассказал Смирьке свой план.

Сам Сысой Сысоич зайдет справа в лес. Черный, верно, набродил ночью-то в кругу. По свежему следу Зорька разом его найдет.

Черный по деревьям лазает. А тот зверь, что может лазать, ходом от собаки уходить не станет. Зорька живо

его посадит на дерево. Тут уж дело Сысой Сысоича с дерева его снять.

А Смирьке взять гончего и пройти слева, вдоль кромки леса. Стать посреди, примерно у обрыва над речкой. Если Сысой Сысоичу понадобится гончий, он крикнет. Тогда спустить пса со сворки.

Смирьке не очень-то понравилось, что он будет один: вдруг да не дождется зверь охотника и выскочит на него, на Смирьку? Лучше бы позади Сысой Сысоича тихонько итти. Однако попроситься не решился.

Сысой Сысоич зарядил ружье. Разошлись.

Смирька прошел до середины стены леса и выбрал себе место, где ждать: стал у большой сосны, что наклонно росла у обрыва.

Все-таки не у самого леса... в случае чего.

Гончий вел себя смирно. Сел в снег и уставился на лес.

СХВАТКА

Смирьке казалось, он простоял целый час, пока наконец услышал в глубине острова тонкий Зорькин лай.

И еще чуть не час прошел, пока раздался выстрел. Гончий так рванул поводок, что Смирька полетел в снег. Но поводка не выпустил.

«Готов! — подумал Смирька, поднимаясь. — Итти, что ли, или тут ждать?»

Но Зорька опять залилась. И гончий вскинулся.

Смирька еле удерживал сильного пса.

Вдруг из лесу донесся крик:

— Го-го-гоо!.. кай!.. баку!..

Смирька понял: «Пускай собаку!»

Он перехватил гончего за ошейник, замерзшими пальцами с трудом отцепил поводок. Пес ринулся в лес.

Стоя с пустым поводком в руках, Смирька соображал: «Видно, одной Зорьке не справиться. Уходит зверь».

Тоненький лай Зорьки подвигался влево.

Вот там же тяжко, гулко забрехал гончий.

Теперь лай обеих собак слышался все с одного места.

«Опять посадили зверя на дерево, — сообразил Смирька. — Сейчас Сысой Сысоич еще выстрелит».

Тянулось время.

Вдруг лай стал злее. И громче.

Он приближается.

Смирька обернулся: за сосной такая круча, наверняка шею свернешь.

А лай все ближе и ближе.

Смирька поспешно стряхнул с ног лыжи и полез на отлогий ствол сосны. Долез до первого сука, уселся на нем; крепко охватил ствол руками и впился глазами в лес. Собаки лаяли уже совсем близко.

Из-за деревьев вывалилось что-то черное, ростом с овцу.

«Он!» подумал Смирька и похолодел.

Черный скачками качал в глубоком снегу — прямо к сосне.

Смирька хотел крикнуть что есть мочи. Но горло перехватило.

С громким лаем вынесся из лесу гончий. За ним Зорька. Они быстро настигали зверя.

Но Черный был уже под сосной.

«Полезет — я спрыгну!» успел только подумать Смирька.

Но Черный с разбегу свернулся в клубок — и полетел с обрыва.

Смирьке видно было, как его подбросило на одном выступе, потом на другом.

— Вдребезги! — вслух сказал Смирька, охватил ствол ногами и съехал на землю.

Зорька и гончий метались под сосной и злобно скулили: они боялись кинуться с кручи.

Потом разом повернули в одну сторону, побежали по краю обрыва туда, где был пологий спуск.

Смирька был уверен, что Черный разбился и лежит теперь под кручей. Взглянул вниз и глазам не поверил: Черный все так же, скачками, махал посередине реки.

Но и собаки уже опять настигали его.

Черный остановился. Упал на спину.

Гончий первый ринулся на него. Но с воем отскочил назад, свалился. Забарахтался в снегу с визгом.

Черный уже качал дальше. Сзади осторожно наседала

на него Зорька. Как только зверь оборачивался, она проворно отскакивала в сторону.

Черный неуклюже взобрался на небольшой обрыв того берега.

«Уйдет!» подумал Смирька и, тут только вспомнив про Сысой Сысоича, заорал во весь голос:

— Сюда! Сюда!

— Чего орешь? — послышался сзади голос Сысой Сысоича. — Раньше-то что молчал?

Охотник свернул в сторону от сосны и побежал, ловко скользя лыжами по снегу, к спуску. Зорька лаяла за рекой. Смирька нацепил лыжи и тоже побежал к спуску.

Когда он взобрался на тот берег, в роще перед ним грохнул выстрел. И как бы в ответ ему раздался такой страшный рев, что Смирька стал на месте, как вкопанный.

Второй выстрел — и рев оборвался.

Теперь прикончил!

Смирька побежал в рощу.

СМЕРТЬ СТРАХА

Черный неподвижно лежал в снегу. Сысой Сысоич удерживал за ошейник Зорьку: она рвалась вцепиться в зверя.

— Подержи-ка, — сказал Сысой Сысоич, когда Смирька подкатил к нему.

Смирька взял Зорьку, стал ее оглаживать, не спуская глаз с Черного.

Мертвый зверь был весь покрыт длинной жесткой шерстью. Своей лобастой башкой, толстыми лапами он напоминал медведя, но ростом был не больше полугодовалого медвежонка.

Сысой Сысоич поднял его за заднюю лапу.

— Тяжелый, чорт! — удивленно пробормотал охотник.

Теперь Смирька увидел, что зверь не весь был черный: по бокам шли широкие желтые полосы — как оглобли.

— Так! — сказал Сысой Сысоич, оглядев зверя. И бросил его в снег. — Впервые довелось такого встретить. А слыхать слыхал. Говорят, сродни он и хорьку и медведю. Росомаха зовется.

Смирька поспешил рассказать, как зверь с обрыва кинулся и не разбился.

— Говорят, самый крепкий зверь, — сказал Сысой Сысоич. — Крепче медведя. Три заряда съел. И гляди, что с гончаром сделал.

Гончий подходил к ним на трех лапах. На щеке его и от плеча до колена зияла глубокая рваная рана.

— Ну, — заключил Сысой Сысоич, — отплатили за Шарика. Теперь потащим зверя в школу, тут недалеко. Пускай там посмотрят, велик ли зверь и так ли страшен.

Опять ребята стали бегать в школу тропкой. И Смирька с ними.

ПО СЛЕДАМ

Скучно Егорке целый день в избе. Глянет в окошко: бело кругом. Замело лесникову избушку снегом. Белый стоит лес.

Знает Егорка полянку одну в лесу. Эх, и местечко! Как ни придешь — стадо куропачей из-под ног. Фррр! Фррр! — во все стороны. Только стреляй!

Да что куропатки! Зайцы там здоровые! А намедни видал Егорка на поляне еще след — неизвестно чей. С лисий будет, а когтищи прямые, длинные.

Вот бы самому выследить по следу диковинного зверя. Это тебе не заяц! Это и тятька похвалит.

Загорелось Егорке: сейчас в лес бежать!

Отец у окошка сапоги валеные подшивает.

— Тять, а тять!

— Чего тебе?

— Дозволь в лес: куропачей пострелять!

— Ишь, чего вздумал, на ночь глядя-то!

— Пусти-и, тять! — жалобно тянет Егорка.

Молчит отец; у Егорки дух заняло — ой, не пустит!

Не любит лесник, чтоб парнишка без дела валандался. А и то сказать: охота пуще неволи. Почему мальчонке не промяться? Все в избе да в избе...

— Ступай уж! Да гляди, чтоб до сумерек назад. А то у меня расправа коротка: отберу фузею и ремнем еще настегаю.

Фузея — это ружье. У Егорки свое, даром что парнишке четырнадцатый год. Отец из города привез. Одноствольное, бердана называется. И птицу и зверя из него бить можно. Хорошее ружье.

Отец знает: бердана для Егорки — первая вещь на свете. Пригрози отнять — все сделает.

— Мигом обернусь, — обещает Егорка. Сам уже полушубок напялил и берданку с гвоздя сдернул.

— То-то, обернусь! — ворчит отец. — Вишь, по ночам волки кругом воют. Смотри у меня!

А Егорки уж нет в избе. Выскочил на двор, стал на лыжи — и в лес.

Отложил лесник сапоги. Взял топор, пошел в сарай сани починять.

Смеркаться стало. Кончил старик топором стучать. Время ужинать, а парнишки нет.

Слышно было: пальнул раза три. А с тех пор ничего.

Еще время прошло. Лесник зашел в избу, поправил фитиль в жировушке, зажег ее. Вынул каши горшок из печи.

Егорки все нет. И где запропастился, поганец?

Поел. Вышел на крыльцо.

Темь непроглядная.

Прислушался — ничего не слыхать.

Стоит лес черный, суком не треснет. Тихо, а кто его знает, что в нем?

Воууу-уу!..

Вздрогнул лесник. Или показалось?

Из лесу опять:

Воуу-уу!..

Так и есть, волк! Другой подхватил, третий... целая стая!

Екнуло в груди: не иначе, на Егоркин след напали звери!

Вуу-вооу-уу!..

Лесник заскочил в избу, выбежал — в руках двустволка. Вскинул к плечу, из дул полыхнул огонь, грохнули выстрелы.

Волки пуще. Слушает лесник: не отзовется ли где Егорка?

И вот из лесу, из темноты, слабо-слабо — бумм!

Лесник сорвался с места, ружье за спину, подвязал лыжи — и в темноту, туда, откуда донесся Егоркин выстрел.

Темь в лесу — хоть плачь! Еловые лапы хватают за одежду, колют лицо. Деревья плотной стеной — не продерешься.

А впереди волки. В голос тянут:

— Вуу-ооуууу!..

Лесник остановился: выстрелил еще.

Нет ответа. Только волки.

Плохо дело!

Опять стал продираться сквозь чащу. Шел на волчий голос.

Только успел подумать: «Воют, — пока, значит, еще не добрались...» Тут разом вой оборвался. Тихо стало.

Прошел лесник еще вперед и стал.

Выстрелил. Потом еще. Слушал долго.

Тишь такая — прямо ушам больно.

Куда пойдешь? Темно. А итти надо.

Двинулся наугад. Что ни шаг, то гуще.

Стрелял, кричал. Никто не отвечает.

И опять, уж сам не зная куда, шагал, продирался по лесу.

Наконец совсем из сил выбился, осип от крика.

Стал — и не знает, куда итти: давно потерял, в какой стороне дом.

Пригляделся: будто огонек из-за деревьев? Или это волчьи глаза блестят?

Пошел прямо на свет. Вышел из лесу: чистое место, посреди него изба. В окошке свет.

Глядит лесник, глазам не верит: своя изба стоит!

Круг, значит, дал в темноте по лесу.

На дворе еще раз выстрелил.

Нет ответа. И волки молчат, не воют. Видно, добычу делят.

Пропал парнишка!

Скинул лесник лыжи, зашел в избу. В избе тулупа не снял, сел на лавку. Голову на руки уронил да так и замер.

Жировушка на столе зачадила, мигнула и погасла. Не заметил лесник.

Мутный забелел свет за окошком.

Лесник поднялся. Страшный стал: в одну ночь постарел и сгорбился.

Сунул за пазуху хлеба краюху, патроны взял, ружье.

Вышел на двор — светло. Снег блестит.

Из ворот тянутся по снегу две борозды от Егоркиных лыж. Лесник поглядел, махнул рукой. Подумал:

«Если б луна ночью, может и отыскал бы парнишку по белотропу. Пойти хоть косточки собрать! А то — бывает же такое! — может, и жив еще?..»

Приладил лыжи и побежал по следу.

Борозды свернули влево, повели вдоль опушки.

Бежит по ним лесник, сам глазами по снегу шарит. Не пропускает ни следа, ни царапины. Читает по снегу, как по книге.

А в книге той записано все, что с Егоркой приключилось за ночь. Глядит лесник на снег и все понимает: где Егорка шел и что делал.

Вот бежал парнишка опушкой. В стороне на снегу крестики тонких птичьих пальцев и острых перьев.

Сорок, значит, спугнул Егорка. Мышковали тут сороки: кругом мышиные петли-дорожки.

Тут зверька с земли поднял.

Белка по насту прыгала. Ее след. Задние ноги у нее длинные — следок от них тоже длинный. Задние ноги белка вперед за передние закидывает, когда по земле прыгает. А передние ноги короткие, маленькие — следок от них точечками.

Видит лесник: Егорка белку на дерево загнал, там ее и стукнул. Свалил в снег с ветки.

«Меткий парнишка! — думает лесник. — Охулки на руку не положит».

Глядит: здесь вот Егорка подобрал добычу и дальше пошел, в лес.

Покружили, покружили следы по лесу и вывели на большую поляну. На поляне Егорка, видать, разглядывал заячьи следы — малики.

Густо натропили зайцы: тут у них и петли и смётки — прыжки. Только Егорка не стал распутывать заячьи хитрости: лыжные борозды прямо через малики идут.

Вон дальше снег в стороне взрыхлен, птичьи следы и обгорелый пыж на снегу.

Куропатки это белые. Целая стая спала тут, в снег зарывшись. Услышали птицы Егорку, вспорхнули. А он выпалил. Все улетели; одна шмякнулась. Видно, как билась на снегу.

Эх, лихой рос охотник: птицу на лету валил! Такой и от волков отбиваться может, даром им в зубы не дастся.

Заторопился лесник дальше, сами ноги бегут, поспевают.

Привел след к кусту — и стоп! Что за леший? Остановился Егорка за кустом, толчется лыжами на месте, нагнулся — и рукой в снег. И в сторону побежал.

Метров сорок прямо тянется след, а дальше колесить стал. Э, да тут звериные следы! Величиной с лисьи, и с когтями...

Что за диковина? Сроду такого следа не видано: не велика лапа, а когтищи с вершок длиной, прямые, как гвозди!

Кровь на снегу: пошел дальше зверь на трех. Правую, переднюю, Егорка ему зарядом перешиб.

Колесит по кустам, гонит зверя.

Где уж тут было парнишке домой ворочаться: подранка разве охотник бросит?

Только вот что́ за зверь? Больно здоровые когтищи! Тяпнет такими по животу из-за куста... Парнишке много ли надо!

Глубже и глубже в лес лыжный след — сквозь кусты,

мимо пней, вокруг поваленных ветром деревьев. Еще на корягу налетишь, лыжу поломаешь!

Эх, желторотый! Заряд, что ли, бережет? Вот это место — за вывороченными корнями — и добить бы зверя. Некуда ему тут податься. А руками разве скоро возьмешь? Сунься к нему, к раненому! Обозленный-то и хомячишко в руки не дастся, а этот зверь, видать, тяжелый: дырья от него в снегу глубокие.

Мать честная! Да что ж это: никак снег падает? Беда теперь: занесет след, тогда как быть?

Ходу! Ходу!

Кружит, колесит по лесу звериный след, за ним лыжный. Конца не видно.

А снег гуще, гуще.

Впереди просвет. Лес пошел редкий, широкоствольный. Тут скорей еще следы засыпает, все хуже их видать, трудней разбирать.

Вот наконец: догнал тут Егорка зверя! Снег примят, кровь на нем, серая жесткая шерсть.

Поглядеть надо по шерсти-то, что за зверь такой. Только неладно тут как-то наслежено... На оба колена парнишка в снег упал...

А что там впереди торчит?

Лыжа! Другая! Узкие глубокие ямы в снегу: бежал Егорка, провалился...

И вдруг — спереди, справа, слева, наперерез — машистые, словно собачьи, следы.

Волки! Настигли, проклятые!

Остановился лесник: на что-то твердое наткнулась его правая лыжа.

Глянул: бердана лежит Егоркина.

Так вот оно что! Мертвой хваткой схватил вожак за горло, выронил парнишка ружье из рук, — тут и вся стая подоспела...

Конец! Взглянул лесник вперед: хоть бы одежи клок подобрать!

Будто серая тень мелькнула за деревьями. И сейчас же оттуда глухое рычание и тявк, точно псы сцепились.

Выпрямился лесник, сдернул ружье с плеча, рванул вперед.

За деревьями над кучей окровавленных костей, оскалив зубы и подняв шерсть, стояли два волка. Кругом валялись, сидели еще несколько.

Страшно вскрикнул лесник и, не целясь, выпалил сразу из обоих стволов.

Ружье крепко отдало ему в плечо. Он покачнулся и упал в снег на колени.

Когда разошелся пороховой дым, волков уже не было.

В ушах звенело от выстрела. И сквозь звон ему чудился жалобный Егоркин голос: «Тять!»

Лесник зачем-то снял шапку. Хлопья снега падали на ресницы, мешали глядеть.

— Тять!.. — так внятно опять почудился тихий Егоркин голос.

— Егорушка! — простонал лесник.

— Сними, тять!

Лесник испуганно вскочил, обернулся...

На суку большого дерева, обхватив руками толстый ствол, сидел живой Егорка.

— Сынок! — вскрикнул лесник и без памяти кинулся к дереву.

Окоченевший Егорка мешком свалился на руки отцу.

Духом домчался лесник до дому с Егоркой на спине. Только раз пришлось ему остановиться — Егорка пристал, лепечет одно:

— Тять, бердану мою подбери, бердану...

В печи жарко пылал огонь. Егорка лежал на лавке под тяжелой овчиной. Глаза его блестели, тело горело.

Лесник сидел у него в ногах, поил его горячим чаем с блюдечка.

— Слышу, волки близко, — рассказывал Егорка. — Сдрейфил я! Ружье выронил, лыжи в снегу завязли, бросил. На первое дерево влез, — они уж тут. Скачут, окаянные, зубами щелкают, меня достать хотят. Ух, и страшно, тятя!

— Молчи, сынок, молчи, родимый! А скажи-ка, стрелок, что за зверя ты подшиб?

— А барсука, тятя! Здоровый барсучище, что твоя свинья. Видал когти-то?

— Барсук, говоришь? А мне и невдомек. И верно: лапа-то у него когтистая. Ишь, вылез в оттепель, засоня! Спит он в мороз, редкую зиму вылезет. Погоди вот — весна придет, я тебе нору его покажу. Знатная нора! Лисе нипочем такой не вырыть.

Но Егорка уже не слышал. Голова его свалилась набок, глаза сами закрылись. Он спал.

Лесник взял у него из рук блюдце, плотней прикрыл сына овчиной и глянул в окно.

За окном расходилась метель. Сыпала, сыпала и кружила в воздухе белые легкие хлопья — засыпала путанные лесные следы.

СУМАСШЕДШАЯ ПТИЦА

Когда мне было десять лет, я прожил целую зиму в деревне.

Я бегал по лесу, выслеживал птиц и узнавал разные интересные подробности их жизни. Это было моим любимым занятием, и я очень скучал, когда что-нибудь мешало моим прогулкам.

Но вот ударили февральские морозы. Поднялась сильная метель.

Отец долго не выпускал меня из дому. Время тянулось ужасно медленно.

Наконец через несколько дней я, проснувшись утром, увидал в окошко ясное голубое небо. Я сейчас же отпросился у отца, оделся и выскочил на двор.

На дворе было морозно, но тихо. Ярко светило солнце. Глазам было больно от блеска белого снега.

В лес нечего было и думать пробраться. Там намело такие сугробы рыхлого снега, что я на каждом шагу проваливался по пояс.

Пришлось направиться вдоль по реке. С нее, наоборот, ветром смело почти весь снег, так что местами был виден голубоватый лед.

Птиц не было нигде. Передо мной тянулась длинная белая полоса реки. Справа и слева на ее крутых берегах молчаливо стоял засыпанный снегом лес. Даже писка синиц не было в нем слышно.

Я подумал: «Верно, птицы плохо чувствуют себя после такой долгой метели».

Скоро я увидел перед собой на снегу черное пятно.

Оказалось, что это мертвая ворона. Она лежала, уткнувшись головой в сугроб, распластав сбитые ветром крылья.

Я поднял ее и осмотрел со всех сторон. Она уже окоченела. Нигде на всем ее теле не было ни следа раны или ушиба.

Я понял, что ворону убил мороз.

Мне было очень жалко эту большую крепкую птицу, замерзшую тут, посреди сугробов. Я утешал себя мыслью, что не все птицы погибли в эти дни. Наверно, мне удастся еще сегодня поймать какую-нибудь полумертвую птичку. Я снесу ее домой, обогрею, накормлю и буду держать до весны.

Словно в ответ на мои мысли, невдалеке послышалось тихое щебетанье.

Я поднял глаза. Впереди была прорубь. По краю ее, у самой воды, прыгала белогрудая птичка. Она дергала коротким хвостом и заливалась на все лады самой веселой песней.

«Вот сумасшедшая! — подумал я. — Как она может радоваться в такой мороз?»

Белогрудая птичка не обращала на меня никакого внимания. Мне захотелось ближе рассмотреть ее. Но едва я сделал несколько шагов к ней, как птица с размаху бросилась в прорубь вниз головой. Одно мгновение я еще видел, как она быстро двигала крыльями, словно летела в воде. Потом она исчезла подо льдом.

Я так и остался стоять с выпученными глазами и открытым ртом.

«Утопилась!» мелькнула вдруг у меня страшная мысль. Я бросился к проруби. Мелкая вода текла здесь очень быстро. Утопленницы нигде не было видно.

Слезы навернулись мне на глаза.

Я прибежал домой, к отцу, с мертвой вороной в руках и с удивительным рассказом про белогрудую птицу-утопленницу.

Ворону отец велел мне сейчас же выкинуть, а над моим

рассказом долго смеялся. Я не понимал, что тут смешного, и очень сердился на отца.

— Дурачок! — сказал он. — Ведь это была оляпка. Она зовсе не утонула, а прыгает теперь снова по льду и радуется, что обманула тебя.

— Неправда! — горячился я. — Она сошла с ума и утопилась. Я сам видел, как ее утянуло под лед. Течение там такое быстрое...

— Ну, вот что, — остановил меня отец: — беги-ка опять на то место, где ты ее видел. Она будет там. А если ее там нет, значит неподалеку от первой проруби есть вторая. Должно быть, из этой второй проруби оляпка и выскочила, нырнув от тебя под лед.

Я опять побежал на реку. Отец мой любил и хорошо знал птиц. Если он говорит, что оляпка бросилась в прорубь нарочно, значит есть еще надежда, что моя белогрудая птичка жива.

У проруби оляпки не было. Но дальше на реке я увидел вторую прорубь, пошел к ней и вдруг заметил мою утопленницу на обрывистом берегу реки. Она была жива и здорова, бегала по снегу и распевала свою негромкую песенку, похожую на плеск и журчание ручья.

Я побежал к ней. Она слетела к проруби, закачалась на тонких ножках, словно кланялась мне, а когда я приблизился, бухнула в воду, точно лягушка в болото.

Стоя над прорубью, я видел, как она гребла под водой крыльями, словно пловец руками. Потом она побежала по дну, цепляясь изогнутыми коготками за все его неровности. В одном месте она даже задержалась немножко, на моих глазах перевернула клювом камешек и вытащила из-под него водяного жука.

А через полминуты она уже выскочила из другой проруби. Я с трудом верил своим глазам. Мне все хотелось еще поближе рассмотреть ее. Несколько раз подряд я заставлял ее кидаться в воду.

Меня очень удивляло, что под водой она блестит, как серебряная рыбка. Я не знал еще тогда, что перья оляпки смазаны тонким слоем жира. Когда птица погружается в воду, воздух пузырится на ее жирных перьях и блестит.

Наконец ей надоело нырять. Она поднялась на воздух, полетела над рекой прямо, как по ниточке, и в одну минуту скрылась у меня из глаз.

Прошло почти два месяца со дня моей первой встречи с оляпкой. За это время я очень полюбил ее. В хорошую погоду я отправлялся на реку следить за ней. Она всегда успевала юркнуть от меня в прорубь. И всегда при этом вид у нее был такой веселый, словно мы играли в «кошки-мышки».

Вся деревня знала эту забавную маленькую птицу. Крестьяне звали ее водяным воробьем. А некоторые из них уверяли, что это совсем не птица, а оборотень или сам водяной. Они не хотели верить, что птица может остаться живой после купанья в проруби.

В конце зимы снова затрещали морозы, еще крепче февральских. В эти дни моя оляпка уже не пела больше.

Теперь мне приходилось долго разыскивать ее, прежде чем я находил ее где-нибудь под ледяным навесом берега. Тут она сидела нахохлившись. Вид у нее был грустный и недовольный.

Когда я подходил к ней, она молча снималась и улетала куда-то далеко, всегда в одну и ту же сторону.

И вот наконец настал день, когда она улетела с этого места: проруби замерзли. Лед мешал оляпке нырять в воду за жуками.

Я очень тревожился о своей белогрудой приятельнице. «Может быть, — думал я, — она лежит теперь где-нибудь в снегу, как та ворона, что я нашел на реке после метели».

Дома отец сказал мне:

— Скорее всего, твоя оляпка попала в когти какому-нибудь хищнику. А всего верней, она просто отправилась искать себе другое место на реке, где вода не замерзает даже в самые крутые морозы.

На следующее утро опять выглянуло солнце, и я отправился на розыски оляпки.

Миновав знакомые проруби, я взобрался на обрывистый берег и пошел вдоль реки.

Скоро путь мне преградила маленькая речка. Она быстро неслась с горки и круто обрывалась с берега, по которому я шел, в большую реку.

Это был настоящий водопад. Речка широкой струей хлестала с обрыва и пенилась внизу, крутясь в бурном водовороте. В этом месте на большой реке была широкая полынья.

Я никогда прежде не видал водопада. С восторгом и страхом смотрел я на бешеный поток, готовый смять под собой всякого, кто неосторожно к нему приблизится.

Вдруг я заметил двух птиц, летевших прямо к водопаду. Впереди неслась, сверкая белой грудью, моя оляпка. Сзади быстро настигал ее серый ястреб.

Не успел я опомниться, как сумасшедшая птичка исчезла в стремительной струе водопада.

Ястреб круто взмыл кверху перед падающей стеной воды, на одно мгновение повис в воздухе, повернулся и медленно полетел прочь. Добыча ускользнула из его когтей.

Ястреб не знал, что сталось с оляпкой. Но я видел, как она стремглав пронеслась сквозь стену водопада, сделала небольшой полукруг и как ни в чем не бывало уселась на камне под обрывом, с которого падала вода.

Сквозь шум водопада не было слышно ее голоса. Но

по ее движениям я понял, что она поет свою веселую песенку.

Домой я возвращался с прогулки вприпрыжку. Теперь я был уверен, что моей смелой маленькой приятельнице не страшны ни когти ястреба, ни холод, ни голод зимы.

Да зиме уж недолго оставалось мучить птиц. День был по-весеннему теплый. Солнце припекало, и вокруг меня с легким звоном рушился снег. Был уже конец февраля. Скоро должны были кончиться морозы.

С такими веселыми мыслями бежал я домой. У знакомой проруби мне вдруг пришло в голову: хорошо бы попробовать, очень ли холодна вода, в которой так любит купаться оляпка.

Недолго думая, я подбежал к проруби и сильно топнул ногой по тонкому льду.

Я хотел только сломать лед, чтобы потом попробовать воду рукой. Но тонкий ледок, затянувший прорубь, уже подтаял. Он легко проломился под моим ударом. Я с размаху влетел в прорубь, сначала одной ногой, а потом, не удержав равновесия, и всем телом.

К счастью, воды в этом месте было мне всего по колено.

Как ошпаренный, выскочил я на лед и, стуча зубами от холода, сломя голову помчался домой. Вода, в которой так любила купаться оляпка, оказалась очень холодной.

В тот же день я слег в постель в сильном жару. Я проболел целых два месяца. А когда выздоровел, мне еще досталось от отца за то, что я искупался в проруби.

— Только сумасшедшие, — говорил отец, — нарочно лезут в воду зимой...

— А оляпка? — перебил я.

Отец рассмеялся и больше не стал бранить меня.

ТАЙНА НОЧНОГО ЛЕСА

(РАССКАЗ ЮННАТА)

Здóрово мне захотелось добыть белую куропатку. В наших местах это редкая дичь. Подпускают они близко, да всегда так неожиданно, с лаем срываются, что каждый

раз вздрогнешь, и пока сообразишь, что да как, они уже далеко. Ну и смажешь, конечно.

А вот Кузя-пастушонок нет-нет, да и принесет из лесу, где лошадей пасет, две-три штуки. И ружье-то у него бердана какая-то допотопная, вся в дырьях, на двадцать шагов с подбегом бьет. А вот поди ж ты!

Все-таки я у него выпытал, как это он ухитряется.

Оказывается, он их ночью бьет. Разведет на мшарнике костер и спрячется рядом в кусты. И белые куропатки целым выводком приходят к костру. Тут уж, конечно, не шутка в них, в пеших-то, попасть в десяти шагах.

Мне и расхотелось добывать: другое совсем в голову пришло. Я же ведь не просто охотник, а естествоиспытатель. Орнитолог — специалист по птицам.

Почему это, думаю, другие лесные куры — глухарь, рябчик — никогда к костру не летят, а куропатка идет? Зачем?

Что насекомых непреодолимо влечет к себе свет в ночи, всем известно. Я сам ловил бабочек на велосипедный фонарь. Они летят прямо на огонь, и если бы не стекло, тут им и крышка: сожглись бы. Но ведь на то они и насекомые — животные безмозглые.

А куропатки что́ будут делать, когда подойдут к костру? Неужто, зачарованные пламенем, тоже кинутся в него, погибнут, как бабочки?

Не может быть! Скорее пустятся в пляс вокруг костра, как настоящие огнепоклонники или как наши юннаты, когда выберутся в лес и в первый раз после города запалят костер.

Или, может быть, куропатки подойдут к костру и чинно рассядутся вокруг него всем семейством? И папаша с мамашей будут объяснять детям на своем удивительном курино-собачьем языке:

— Ко-ко-ко, дескать, это, детушки, огонь! К нему не подходите, — гав! гав! гав! Обожжет!

Или, может быть, совсем не красота пламени на них действует, а просто они приходят погреться у костра?

Ведь кто его знает, какие неожиданные тайны можно подсмотреть ночью в лесу у костра! То есть, не сидя у костра, а вот, как Кузя: со стороны.

В том-то и дело, что охотник, когда разложит огонь, сам около него сидит — на свету. Всем лесным глазам его видно, а он — как слепой: ничего не знает, что вокруг него в темноте творится.

И я решил во что бы то ни стало узнать: чем это таким привлекает куропаток огонь? С помощью Кузи, конечно.

Мы пошли в лес с вечера. И сразу нам повезло.

Встретили колхозников на моховом болоте. Они шли с большими корзинами клюквы за спиной. Не успели дойти до нас, вдруг у них из-под ног с лаем вырвался старый куропач, а за ним и весь его выводок.

Кузя хотел даже на счастье пальнуть в стадо, да я удержал его:

— Брось ты! Что ты, не понимаешь: распугаем сейчас, они ночью не придут. Пока не подсмотрим, чем они у костра занимаются, о ружье забудь. Понятно?

— Тоже мне! — рассердился Кузя. — Командёр нашелся!

— Обожди еще, может, они сами в костер бросятся, сами зажарятся. Готовое жаркое получишь.

Кузя сразу повеселел.

— А и правда! Чего заряд даром тратить?

Теперь мы знали, что выводок здесь есть. И, конечно, приметили, куда он переместился. В угол болота перелетел. Там, на опушке леса, мы и собрали груду сушья и смолья.

Поужинали всухомятку.

Наконец наступила ночь. Черная, прохладная, настоящая августовская ночь с Млечным путем и падающими звездами — все, как полагается.

Мы разожгли костер и засели в кустах, шагах в пяти друг от друга. Кузя левее, я правее.

Сушняк пылает ярко; поблизости каждая кочечка, каждая мшинка на ней видна. Но я нарочно отвернулся, стал смотреть на лес позади: какой он при огне? Ведь сразу куропатки не придут же! Кузя говорил — другой раз часами ждет.

Вдруг слышу сзади тихонько так:

— Эрр-рэк-кэк, ор! Го-кок-ко!.. Гау!

Быстро оборачиваюсь: идут! Куропатки!

Гуськом идут. Одна, другая, третья...

Не успел сосчитать — ббах! — слева.

Дернул-таки Кузя из своей берданы! Не выдержал!

Одна куропатка упала. Остальные, конечно, сорвались и с треском и лаем в один миг исчезли в темноте.

— Спятил! — кричу на Кузьку. — Котлету из тебя сделаю!

Только сучья по лесу затрещали: удрал Кузя.

Не гнаться же за ним в темноте!

Подобрал я убитую куропатку и тут же решил, что Кузьке ее не отдам: пускай чувствует! Раскидал костер, огонь затоптал.

— А что больше делать? Второй раз куропатки не придут — не дуры.

Хорошо, что Кузька на другой день не попадался мне на глаза: злой я ходил, ух! Подумать только: теперь уж я, может быть, знал бы такую интересную тайну ночного леса! Первый на всем свете узнал бы ее!

Мысль, зачем приходят куропатки к костру, все не выходила у меня из головы. Наконец я решился пойти один на болото — караулить.

Три дня выжидал, чтобы куропатки забыли, как Кузя грохнул, и пошел на то же место.

Все так же сделал, как тогда. Забрался в кусты и жду.

Не очень-то весело одному в лесу черной осенней ночью. Я зарядил ружье разрывной пулей: не от страха,

конечно, а мало ли что может случиться? Может, медведь из лесу выйдет. Что ж мне — шапкой от него отбиваться?

Долго я сидел — ждал. Закоченел совсем.

«Пойду, — решил. — Все равно толку никакого не будет».

Взглянул подальше, где уже свет от костра слабее.

Что такое?

Чьи-то большие желтые меховые туфли передвигаются между кочками! Крадутся к костру...

А ног не видно.

Я, конечно, нисколько не струсил. Присмотрелся, а это белые куропатки идут! От костра они желтыми кажутся.

Впереди, видно, старый куропач идет, папаша: большой очень, краснобровый. Сзади маленькие поспевают.

Папаша влез на кочку, головку назад повернул и говорит так вполголоса:

— Эрр-рэк-кэк-кэк, вор!

Потом какие-то звуки вроде слов:

— Ковар-рство, коваррство, гау!

Из темноты в ответ ему мяукнуло:

— Ми-у! Ми-у! — Очень нежно. Наверно самочка.

И тут из-за кочек выскочило все семейство, штук пятнадцать. Куропач прыгнул с кочки, пошел к костру, и все за ним гуськом.

А он опять: «Коваррство! Вор!»

Я подумал: «Улетят сейчас!»

Вдруг — ббах! И нет куропаток...

Что такое? Кто это? Не сразу даже сообразил, что сам же я и выстрелил.

И даже одной куропатки мне не досталось, как после Кузиного выстрела. Ведь я пулей саданул и промазал, конечно. Орнитолух...

Так до сих пор и не знаю, что́ куропатки делают ночью у костра. А как хотелось бы знать! Может, у кого из вас хватит выдержки подсмотреть? А, ребята?

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY
Los Angeles
This book is DUE on the last date stamped below.

LD URL
AUG 13 1987
RENEWAL LD URL AUG - 1 1973
RENEWAL LD URL AUG 13 1973
AC MAY 01 1995
SEP 30 1974
REC'D LD-URL
AUG 23 1974
JUN 11
REC'D LD-URL
LD URL NOV 25 1974
NOV 13 1974
REC'D LD-URL
AUG 22 1980
AUG 20 1987

Form L9-42m-8,'49 (B5573) 444

3 1158 00609 5730

,ена 4 руб.